

НОВАЯ ПОЛЬША 11/2010

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. АКТИВНЕЕ К ВОСТОКУ ОТ БУГА
3. КОНФРОНТАЦИЯ ГОМУЛКА—ХРУЩЕВ, ОКТЯБРЬ 1956
4. НАЙДИ МНЕ ЕГО
5. ЧЕТВЕРТОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗИМЕЖА КУЦА
6. НЕ НУЖНО РАССЧИТЫВАТЬ НА ИНТЕЛЛЕКТ ЛЮДЕЙ С
ОРУЖИЕМ В РУКАХ
7. ЦЫГАНЕ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ
8. ЦЫГАНСКАЯ ДОРОГА
9. СЛОВО О ЦЫГАНАХ
10. ПЕСНИ ЧЁРНОЙ ГОРЫ
11. СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО В ДОВОЕННОЙ ВАРШАВЕ
12. КОЛЛЕКЦИОНЕР КОЛЮЧЕК
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «“Коммунизм мне не нравился, поэтому я с ним боролся. Мне пришлось выбрать капитализм — иного пути не было. Сегодня мне не нравится наш капитализм, но с ним я не борюсь, ибо иного пути нет. Надеюсь, что мы его немного улучшим”, — сказал Лех Валенса, специальный гость конференции «1990–2010–2030. Государство на рынке, рынок в государстве». «Трансформация прошла успешно», — считает бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий (...) «Сегодня я оцениваю наши шансы иначе, нежели 20 лет назад. Тогда мы боролись за выживание в политическом смысле. В экономике мы были банкротами. Нам пришлось бороться за то, чтобы экономика стала на ноги, чтобы свести концы с концами в бюджете. Особых компетенций для этой борьбы за выживание у нас не было. Это был длительный процесс учебы, эксперимент, который предстояло поставить. Получилось лучше, чем мы могли ожидать», — сказал бывший премьер-министр Ян Кшиштоф Белецкий. По его мнению, Польша сегодня — совсем другая страна. «Мы — серьезная страна. С нами считаются в Европе, у нас стабильная экономика», — добавил он». («Газета wyborcza», 17 сент.)

• «В результате кризиса поляки стали лучше зарабатывать (...) В 2009 г. число тех, кто зарабатывает свыше 65 тыс. злотых, выросло по сравнению с 2008-м более чем на 45 тыс. человек (...) А в 2008 г. таких людей было почти на 140 тыс. больше, чем в 2007-м. Раньше всё было наоборот. Только в период с 2006 по 2007 г. число налогоплательщиков, платящих налог по высшей ставке, снизилось более чем на 50 тыс. человек (...) Эта новая тенденция объясняется просто. Польша последовательно снижает уровень налогообложения физических лиц (...) Более низкие налоги способствуют честности». («Дзенник — Газета правна», 23 сент.)

• «Покупательский запал европейцев слабеет. В Польше всё наоборот. По данным Евростата, в августе рост розничных продаж в Польше был самый высокий в ЕС. По сравнению с августом 2009 г. продажи во всем Евросоюзе выросли на 0,8%, в Польше — на 6,7% (...) Безработица, согласно Евростату, достигает у нас 9,4% (метод подсчета нашего Главного

статистического управления дает 11,3%). Средняя по ЕС — 9,7%». («Газета выборча», 6 окт.)

- «Сентябрь принес самое значительное падение потребительских настроений в этом году (...) В улучшение своего материального положения верят 19% респондентов, а 52% считают, что оно не изменится». («Жечпосполита», 7 окт.)

- «В Польше почти 4 млн. малых предприятий, на которых работают до 49 человек. Это почти 99% всех предприятий. По данным министерства финансов, малые предприятия дают бюджету больше половины подоходного налога с юридических лиц и три четверти налога с физических лиц. На них занято больше половины трудоспособного населения Польши». («Газета выборча», 21 сент.)

- «Производители хлеба борются за существование — рынок сбыта сужается, цены быстро растут, что еще больше отбивает у клиентов желание покупать хлеб (...) То, что мы видим на полках булочных, ничем не напоминает ароматных буханок из детских воспоминаний. Булки кажутся сделанными в основном из воздуха (...) Настоящий хлеб на закваске, без искусственных добавок, превратился в деликатес — дорогой и труднодоступный, особенно в крупных городах (...) Ничего удивительного, что всё больше людей печет хлеб самостоятельно дома». (Пётр Мазуркевич, «Жечпосполита», 4 окт.)

- «Немногие поляки готовы довериться другим людям. Поэтому в Польше лучше всего развивается малый семейный бизнес. Овощные ларьки мы могли бы открыть во всем мире и делали бы это лучше всех (...) Я уже 12 лет говорю об общественном капитале (...) Ни один из институтов, которые должны быть особенно хорошо осведомлены о последствиях патологического польского индивидуализма, не внес в ситуацию ничего нового. На чем зиждется польская экономика? На меди, угле и сборке. Сюда в чемоданах привозили итальянские ноу-хау и на их основании поручали полякам сборку разных товаров. Неважно, что это было: автомобили или бухгалтерский учет в западных фирмах (...) Глобальной экономике мы можем предложить только дешевую рабочую силу и высокую индивидуальную компетентность», — проф. Януш Чапинский, Варшавский университет. («Впрост», 10 окт.)

- «Десять фирм объединились во Всепольский союз работодателей частных почтовых предприятий (...) В Польше зарегистрировано более 200 почтовых фирм, из которых более

половины ведут хозяйственную деятельность. В прошлом году Польская почта получила 5 млрд. злотых прибыли, в то время как частные почтовые фирмы — 1,2 млрд. злотых. В 2009 г. частные почтовые предприятия оказали услуги на сумму почти 3,2 млрд. злотых». («Жечпосполита», 17 сент.)

• «В этом году XX Экономический форум в Кринице касался прежде всего возможностей Европы, вытекающих из Лиссабонского договора (...) В дискуссии участвовали гости из 60 стран. Заседания освещали почти 500 журналистов, представлявших около 200 редакций (...) «Следующий год мы начинаем с ознакомления с бюджетами отдельных стран», — сказал председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу (...) Французская Промышленно-торговая палата в Польше (CCIFP) (...) представила «белую книгу», в которой собраны польские правовые нормы, затрудняющие деятельность предприятий. «Мы полгода собирали их на французских предприятиях, принадлежащих к числу крупнейших инвесторов в Польше (...)», — сказала Моник Констан, генеральный директор CCIFP». О форуме в Кринице см. статью Томаша Кулаковского. («Жечпосполита», 23 сент.)

• «В прошлом году Еврокомиссия подала на нас 11 исков в Суд справедливости за невыполнение европейских директив. За последние несколько дней — три. С 2006 г. число жалоб выросло в три раза (...) Со времени вступления Польши в ЕС (т.е. за последние шесть лет) в Суд справедливости на Польшу было подано 38 жалоб. В настоящее время дан ход 13 делам, два из которых Еврокомиссия решила закрыть». («Дзенник — Газета правна», 5 окт.)

• «Жалобы на работодателей, не выплачивающих зарплату, заливают суды и Государственную инспекцию труда. Оттуда они направляются в Реестр должников (...) Оказаться в реестре — значит лишиться финансового доверия. Предприниматели, чьи данные туда попадают, должны считаться с возможностью отказа в кредите и лизинговых услугах (...) Только в первой половине 2010 г. в ГИТ поступило свыше 20 тыс. жалоб». («Дзенник — Газета правна», 15 сент.)

• «Последний отчет «Инфодолга», подготовленный Бюро экономической информации АО «ИнфоМонитор», показал, что за один квартал общая сумма просроченных задолженностей выросла более чем на 15%. В настоящий момент она составляет 21,97 млрд. злотых. Свыше 1,92 млн. человек в Польше испытывают трудности с погашением финансовых обязательств (...) За последний год непогашенные долги выросли на 82% (...) Квартальный рост числа несостоятельных

должников составил 5,86%». («Дзенник — Газета правна», 15 сент.)

• «Во втором квартале польский внешний долг сократился на 2,1 млрд. евро. В конце июня он составлял 200,7 млрд. евро, — сообщил Польский национальный банк (ПНБ). — За рост задолженности во втором квартале ответственность несут в основном предприятия. Их обязательства перед иностранными хозяйственными субъектами выросли за это время на 2,5 млрд. евро (...) Внешний долг государственного сектора составил в июне 63,2 млрд. евро. За последние три месяца он сократился на 2,5 млрд. евро». («Жечпосполита», 5 окт.)

• «Польша получит частичное финансирование из ЕС на строительство газопорта в Свиноустье — эту информацию подтвердила вчера Еврокомиссия (...) Газопорт должен быть сдан в эксплуатацию в июне 2014 года (...) «С помощью газопорта можно будет удовлетворить около трети потребностей Польши в газе; еще одну треть обеспечит российский поставщик, а остальное — собственные месторождения», — сказал Дональд Туск». («Польска», 5 окт.)

• «Дефицит государственных финансов будет уменьшаться. В 2010 г. он составил 7–8% ВВП. В 2011 г. дефицит государственных финансов составит, согласно нашему определению, 5% ВВП, в 2012 г. — 2,8%, а в 2013 г. — 1,4% ВВП, — подчеркнул министр [финансов] Яцек Ростовский. Согласно европейским критериям, которые несколько шире польских, в 2011 г. дефицит должен составить 6,5%, в 2012 — 4,5%, а в 2013% — 2,9% ВВП, т.е. меньше требуемых ЕС 3%. Брюссель отреагировал мгновенно. «Согласованный с Советом ЕС срок сокращения чрезмерного дефицита Польши — 2012 год (...)», — говорится в заявлении пресс-секретаря Еврокомиссии по валютно-финансовым делам Амадеу Алтафая Тардио». («Жечпосполита», 8 окт.)

• «Лешек Бальцерович запустил счетчик государственного долга. Размер долга можно проверить на электронном табло в центре Варшавы, а также в Интернете по адресу: www.dlugpubliczny.org.pl. Счет начался с суммы 724 млрд. 259 млн. 822 тыс. 410 злотых, но уже через сутки она выросла почти на 150 миллионов». («Тыгодник повшехный», 10 окт.)

• «Если государственный долг превысит 55% ВВП, министерство финансов ограничит возможность использования части льгот и освобождения от НДС. Остановятся также инвестиции, частично финансируемые ЕС (...) Если бы государственный долг превысил 55% ВВП,

необходимо было бы начать процедуры, описанные в законе о государственных финансах. В их число входит, в частности, замораживание зарплат в государственном секторе (...) и ограничение валоризации пенсий». («Польска», 29 сент.)

- «Польское правительство начало экономить раньше, чем британцы, а именно в 2009 году. «Когда они увеличивали расходы, у нас уже экономили (...) Рост задолженности беспокоит нас (...) Однако бюджетные расходы растут медленнее, чем экономика, так что трагедии нет. В последнее время растут только расходы на Национальный фонд здравоохранения (НФЗ) и оборонный сектор», — говорит Ян Кшиштоф Белецкий, бывший премьер-министр, в настоящее время председатель Экономического совета при премьер-министре. («Впрост», 3 окт.)

- «Свой нынешний полный долг Польша обслуживает без труда, поддерживая высокое доверие к себе на финансовых рынках (...) По данным ПНБ, в феврале наши валютные резервы составляли 85 млрд. долларов (...) По сравнению с другими странами ЕС доля государственного долга в ВВП у Польши явно ниже средней. По данным Евростата, в прошлом году средняя доля долга в ВВП составила в ЕС 73,6%, в зоне евро — 78,7%, а в Польше — 51% (...) Недавно Лешек Бальцерович запустил счетчик государственного долга (...) Однако вместе с ним тикает и счетчик роста благосостояния страны, которого в нашей пессимистической Польше никто, конечно, не придумал и не придумает (...) Стоит напомнить, что оцениваемая в 38 млрд. стоимость обслуживания долга, которую СМИ сравнивают с доходами бюджета от НДС, — это около 12% доходов госбюджета. (...) По-настоящему серьезная проблема возникает, когда высокий показатель задолженности растет, а страна не в состоянии прервать этот рост. В такой ситуации мы находимся уже несколько лет (...) Станислав Гомулка, критик правительства, экономист известный, очень хороший и умный, сказал в «Факте» от 25 августа: “(...) Я не исключаю, что после выборов, когда «Гражданская платформа» сможет править самостоятельно, она сочтет, что получила от общества полномочия на введение изменений (...) Я ожидаю более решительных действий сразу после выборов”», — Вальдемар Кучинский, министр в правительстве Тадеуша Мазовецкого, советник в правительствах Ежи Бузека и Владимира Цимошевича. («Газета выборча», 5 окт.)

- «Согласно опросу ЦИМО, проведенному 2–5 сентября, половина поляков (51%) отрицательно оценивает действия правительства. 37% респондентов высказываются о них

положительно. По мнению 51% опрошенных, президент Бронислав Коморовский хорошо исполняет обязанности главы государства, 29% придерживаются противоположного мнения. 49% респондентов положительно оценивают деятельность премьер-министра Дональда Туска, 44% — критически. Сентябрь принес улучшение рейтинга президента. Число положительных оценок выросло на 6%. На столько же уменьшилось число негативных отзывов». («Газета wyborcza», 30 сент.)

- «Согласно опросу ЦИОМа, Сейм положительно оценивают 27% поляков. 57% респондентов высказываются о нем отрицательно». («Жечпосполита», 21 сент.)

- Согласно телефонному опросу, проведенному ГфК «Полония» 7–11 октября, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 47% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 32%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 11%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%, Движение в поддержку Януша Паликота — 2%. Избирательный порог составляет 5%. («Жечпосполита», 13 окт.)

- «3000 человек приняли участие в съезде Движения в поддержку Януша Паликота. Его инициатор сообщил, что в декабре уйдет из ГП и сдаст депутатский мандат, а в программных вопросах будет концентрироваться на ограничении роли Церкви в общественной жизни». («Тыгодник повшехный», 10 окт.)

- «В Польше 78 партий (...) Только несколько из них имеют вес. Прежде всего, присутствующая в парламенте «большая четверка»: ГП, ПиС, СДЛС и ПСЛ (...) Основать политическую партию в Польше нетрудно. Чтобы попасть в реестр, достаточно собрать тысячу подписей. Нужно иметь устав, ежегодно предоставлять отчет о деятельности (...) Дотации из госбюджета получают только те группировки, которые на парламентских выборах получили не менее 3% голосов (...) Остальные должны работать на средства от членских взносов». («Жечпосполита», 20 сент.)

- «Выборы в органы местного самоуправления пройдут 21 ноября, — сообщил премьер-министр Дональд Туск. Возможный второй тур выборов президентов городов, бургомистров и войтов запланирован на 5 декабря». («Дзенник — Газета правна», 16 сент.)

- «Думаю, что ПиС наберет 25% голосов, потому что именно столько в Польше людей, полных гнева и фрустрации, ищущих

причин своих личных несчастий не внутри себя, а вовне», — Барбара Лабуда, бывший министр в канцелярии президента Александра Квасневского, бывший посол Польши в Люксембурге. («Польска», 17–19 сент.)

• «Потенциальный электорат таких партий, как ПиС, намного превышает 50%. По моему мнению, он достигает 60%. Ярослав Качинский — великий политик, но он не умеет пользоваться этим, увеличивая общественную поддержку себя и своей партии. ПиС мог бы править самостоятельно, если бы не неуклюжесть его политиков в практической сфере (...) Большую группу открытых поляков отняли у нас Британские острова, а теперь еще открываются рынки труда Австрии и Германии. Поэтому мы будем иметь дело с законсервированной ментальной структурой, где большинство будет закрыто на какие бы то ни было аргументы из области мировоззрения. Они считают себя защитниками национальных ценностей и будут защищать их до последнего издыхания, даже если польский поезд развития остановится. Тогда они начнут протестовать, что им плохо, что у них нет денег», — проф. Януш Чапинский, Варшавский университет. («Впрост», 10 окт.)

• «[Установленный после смоленской катастрофы] крест, простоявший перед Президентским дворцом 155 дней, перенесен в дворцовую часовню (...) Перед дворцом продолжают толпиться т.н. «защитники креста», а также сторонники провозглашения Христа королем Польши; был там и Ярослав Качинский, который раскритиковал перенесение креста». («Тыгодник повшехный», 26 сент.)

• «В своем письме послам иностранных государств в Варшаве, а также депутатам Европарламента Ярослав Качинский написал, в частности, о неоимперской политике России и всё менее активном участии США в европейской политике. ГП и СДЛС подвергли его критике за альтернативную внешнюю политику». («Тыгодник повшехный», 10 окт.)

• «Польская оппозиция действует не в рамках демократической системы, а против нее, — сказал вчера в Сопоте Тадеуш Мазовецкий. (...) — Вместо того чтобы наблюдать стабилизацию политической сцены, мы становимся свидетелями ее дестабилизации. Трудно представить себе, чтобы во Франции или Великобритании глава оппозиции после проигранных выборов называл свою собственную страну российско-немецким кондоминиумом и требовал ухода с политической сцены президента и премьер-министра». («Газета wyborcza», 21 сент.)

• «Ярослав Качинский играет на дестабилизацию в стране. Тогда его шансы значительно вырастут, ибо во время кризиса и замешательства растет потребность в вождях. Поэтому нас ждет год, изобилующий запланированными политическими скандалами, год раскрытия афер и смешивания людей с грязью». (Ежи Доманский, «Пшеглэнд», 19 сент.)

• «Очень прискорбно, что у нас такая оппозиция, лидер которой вместо проблем государства занимается своими семейными травмами. Это опасная ситуация. Хорошо, что поляки достаточно благоразумны и не доверятся такому человеку, но все-таки это хуже, чем если бы у нас был лидер оппозиции, который действительно занимался бы политикой», — Яцек Ростовский, министр финансов. («Польша», 21 сент.)

• «Согласно опросу ЦИОМа, президент Бронислав Коморовский пользуется наибольшим доверием поляков. В сентябре ему доверяли 66% респондентов (...) Второе место разделяют премьер-министр Дональд Туск и лидер СДЛС Гжегож Наперальский (по 58%), а третье занимает министр иностранных дел Радослав Сикорский (57%)». («Дзенник — Газета правна», 22 сент.)

• «Вчера Бронислав Коморовский встретился с членами польско-российской Группы по трудным вопросам (...) В группу входят польские и российские эксперты (...) По ее инициативе вышла в свет публикация «Белые пятна, черные пятна» о спорных фактах новейшей истории Польши и России». («Жечпосполита», 5 окт.)

• «Новый посол России в Польше Александр Алексеев: «Я приехал сюда, чтобы развивать наши взаимоотношения. Никто не будет требовать от вас уступок, предварительных условий и даже солидарности. Давайте определим области, в которых сотрудничество для нас выгодно, и будем в них сотрудничать». Алексеев заверил, что Москва уважает членство Польши в ЕС и НАТО и никоим образом не намерена этого менять». («Газета wyborча», 6 окт.)

• «На вчерашней встрече с украинским премьер-министром Николаем Азаровым президент Бронислав Коморовский заверил, что Польша неизменно поддерживает стремление Украины к интеграции с европейскими структурами. В четверг Азаров прибыл в Польшу с официальным визитом». («Польша», 1 окт.)

• «Премьера фильма «Золотой сентябрь. Хроника Галиции. 1939-1941» состоится 23 сентября во львовском кинотеатре

«Коперник». После демонстрации на киноэкранах, фильм на DVD отправится в школы и магазины (...) Вначале — довоенный Львов. Польские песни, мундиры, афиши. Потом начинается катастрофа. 17 сентября 1939 г. — пожимающие друг другу руки немецкие и советские солдаты (...) «Мы пытались быть объективными. Показали Галицию как часть Польши, на которую напали немцы. Потом польскую оборону и вход советских войск. И разные реакции людей на эти события, — говорит режиссер фильма Тарас Химич. — Поляки были настроены против Советов, украинцы по-разному, евреи за — из страха перед немцами», — подчеркивает он (...) 50-минутный фильм был снят при поддержке Львовского горсовета». («Жечпосполита», 20 сент.)

• «В субботу в Харькове президент Польши и премьер-министр Украины приняли участие в торжествах памяти польских офицеров, расстрелянных НКВД в 1940 году (...) Польша добивается строительства четвертого кладбища в Быковне близ Киева (...) «Мы хотим быть вместе с украинцами на стороне жертв, против тех, кто это преступление совершил. На стороне жертв польских, украинских, русских и всех тех народов, которые тоталитарная система уничтожала и уничтожила», — подчеркнул президент (...) Премьер-министр Николай Азаров подчеркивал, что «весь украинский народ разделяет боль братского польского народа». «Мы помним о замученных в сталинских тюрьмах, лагерях и ссылках. Мы осуждаем это преступление», — сказал он». («Жечпосполита», 27 сент.)

• «Представитель российской Генпрокуратуры передал вчера польскому вице-послу Петру Марциняку 20 томов дела №159, т.е. т.н. катынского следствия (...) Следующие тома (...) должны оказаться в Варшаве в будущем месяце». («Жечпосполита», 24 сент.)

• «В четверг 16 сентября под Варшавой состоится Всемирный конгресс чеченского народа. «Мы избрали местом встречи Польшу, потому что чеченцы уверены, что во всем мире нет другой страны, столь сопереживающей нашей беде, и никакой другой народ не понимает нас так же хорошо, как поляки», — сказал Дени Тепс, председатель конгресса». («Газета wyborча», 13 сент.)

• «Кто-нибудь в Польше проявил солидарность со стремящимися к независимости абхазцами, которых убивали грузины? Не могли бы поляки хоть малую толику того чувства долга, которое они ощущают по отношению ко всему миру, излить на Абхазию и Осетию?» — проф. Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд», 3 окт.)

- «“Я приехал, чтобы искать пути освобождения моего народа от того самого ига, из-под которого пытались освободиться поляки (...)”, — сказал Ахмед Закаев, глава эмигрантского правительства Чечни». («Жечпосполита», 17 сент.)

- «В пятницу Варшавский окружной суд отклонил иск прокуратуры об экстрадиционном аресте Закаева. Судьи постановили, что, поскольку Великобритания предоставила ему статус беженца, он должен ожидать решения суда по вопросу допустимости экстрадиции на свободе». («Дзенник — Газета правна», 20 сент.)

- «При нашей внешней политике, в которой улучшение отношений с Россией должно быть приоритетом, мы устраиваем у себя Конгресс чеченцев, в очередной раз показывая, что для польских властей одно и то же явление называется терроризмом, если оно направлено против США, и борьбой за освобождение, если оно направленно против России». (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 26 сент.)

- «Российская генпрокуратура направила Польше запрос на выдачу Ахмеда Закаева (...) Премьер эмигрантского чеченского правительства обвиняется россиянами в террористической деятельности». («Польска», 21 сент.)

- «Есть такое русское выражение: «проверить человека на вшивость», т.е. проверить, как далеко он зайдет, если склонять его к бесчестным поступкам (...) Генпрокуратура России самым серьезным образом пыталась заставить поляков выдать чеченского лидера (...) Достаточно было всмотреться в напряженное лицо Дональда Туска, когда, высказываясь на эту тему в первый раз, он говорил, что Конгресс чеченцев — это «для Кремля деликатный вопрос». Деликатный Кремль уничтожил бомбами, артиллерийским огнем, пытками четверть миллиона чеченцев, тысячи сделал калеками, тысячи вынуждает эмигрировать (...) Премьер-министр свободной Польши во имя польских интересов должен говорить то, чего как обычный гражданин он, вероятно, никогда бы не сказал», — Кристина Курчаб-Редлих, юрист, журналистка, автор книг о современной России. («Жечпосполита», 20 сент.)

- «Несмотря на предостережения, я решил поехать на сентябрьскую встречу Валдайского клуба и на Ярославский форум (...) Сначала я спросил Путина о Химкинском лесе (...) Он компетентно ответил (...): с авантюристами не разговариваем. Потом спросил о Михаиле Ходорковском (...) В ответ гримаса и стальной взгляд. А потом страшно эмоциональный ответ, что у Ходорковского руки в крови (...) Потом британский аналитик

спрашивал Путина о демонстрациях оппозиции, которые власть жестоко разгоняет. Ответ снова меня опечалил (...) — он сводился к тому, что оппозиция ничего не значит, а власть будет бить демонстрантов палкой по голове до тех пор, пока они будут нарушать административные запреты (...) Я считаю, что приехал в Москву из демократической страны. В России сегодня нет демократии, вместо нее — мягкий либеральный авторитаризм. Но вот демократы в России есть (...) На этом зиждется мой оптимизм. А как польский патриот и антисоветский русофил я желаю России всего самого лучшего. Адам Михник». («Газета выборча», 2–3 окт.)

• «“Яд-Вашем” организует конференцию о судьбах евреев, переживших Катастрофу. Лекцию, открывающую конференцию «Жниво Катастрофы: Польша 1944–2010» прочтет проф. Ян Томаш Гросс, автор «Соседей» и «Страха» (...) Во встрече (3–6 октября) примут участие крупнейшие американские, израильские и польские исследователи Катастрофы. «Это крупнейшая в истории конференция, посвященная отношению поляков к евреям, пережившим Катастрофу, — сказал проф. Израэль Гутман из иерусалимского института «Яд-Вашем». — К сожалению, нужно сказать прямо: антисемитизм в Польше существовал, и многих евреев после войны постигла ужасная судьба от рук соседей. Хорошо, что поляки и евреи смогут наконец спокойно об этом поговорить и обменяться мнениями», — добавил он (...) По утверждению проф. Анджея Жбиковского из Еврейского исторического института (Варшава), поляки после войны убили 600–700 евреев. А не, как считается в еврейской историографии, 1000–1500». («Жечпосполита», 1 окт.)

• «Чтобы дать молодежи представление о ликвидации гетто [в Бендзине], это событие было инсценировано в виде наглядного урока истории. В действительности это был кошмар, но молодежь нужно оберегать от жестоких зрелищ, поэтому ликвидацию гетто показали без сцен насилия. В соответствии с той же самой педагогикой, поляков учат «правде» о Варшавском восстании. Музей [Варшавского восстания] показывает столько героизма, сколько хочет, и утаивает столько ужасов, сколько может. Эти два примера говорят нам о том, чего стоит историческое знание, подвергнутое дидактической и политической обработке», — проф. Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд», 26 сент.)

• На вопрос: «Нравятся ли тебе неконвенциональные методы сохранения памяти о важных исторических событиях в истории Польши — например, реконструкции (...)?» — 88%

респондентов ответили «да», 7% — «нет», а 5% затруднились с ответом. Опрос провел АРЦ «Рынок и мнение». («Ньюсуик-Польша», 26 сент.)

• «Кошенцин — это пограничное село (...) Ян Мырчик в первом классе учился по польскому букварю, а во второй ходил уже в немецкую школу. Один год тут восхваляли силезских повстанцев, а на следующий их уже убивали. В Осташкове НКВД расстреляло троих кошенцинских полицейских. В гитлеровских лагерях смерти были убиты семеро кошенцинян (...) С наполеоновских войн 1813–1815 гг. не вернулись 38 местных солдат. 103 человека погибли на I Мировой войне в прусских мундирах (...) Со второй не вернулись 227 парней. В основном они погибли на Восточном фронте (...) Им всем Ян Мырчик поставил на своей земле памятник — символическую могилу (...) В течение полутора десятков лет он уточнял фамилии и судьбы 368 солдат. Он подсчитал, что в день смерти им было в среднем 22–23 года (...) «Еще когда вынашивал идею поставить памятник, меня предостерегали, что долго он не простоит. Потому что где это видано, чтобы в одном памятнике уравнивать всех? — вспоминает Мырчик. — Поляков, немцев, евреев и русских (...) Памятник стоит уже второй год и никто не вылил на него ни капли краски», — добавляет он. Вместе с освящением памятника прошла Переключка павших жителей Кошенцина — жертв войн XIX и XX веков (...) Не было традиционного отклика: «Погибли на поле славы»! Вместо него: «Упокой, Господи, их души!» «И именно это было для меня важно, когда я ставил памятник», — заканчивает Мырчик». (Ян Дзядуль, «Политика», 25 сент.)

• «На миссии в Афганистане погиб 21-й польский солдат. 32-летний сержант Казимеж Каспшак скончался вчера от ран, полученных в результате взрыва подложенной взрывчатки». («Польска», 28 сент.)

• ««Мир сегодня ведет III Мировую войну, т.е. войну с терроризмом (...) С одной стороны — мы, с другой — люди, для которых человеческая жизнь не имеет никакой ценности. Люди, готовые на всё», — Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше. («Жечпосполита», 11–12 сент.)

• «Польские дипломаты стали послами ЕС в Южной Корее (Томаш Козловский) и Иордании (Иоанна Вроновская)». («Тыгодник Повшехный», 26 сент.)

• «Поляк Войцех Савицкий стал генеральным секретарем Парламентской ассамблеи Совета Европы на 5-летний срок (...) Парламентская ассамблея — орган Совета Европы,

занимающийся помощью демократии и защитой прав человека». («Жечпосполита», 6 окт.)

• «Министерству иностранных дел на этой неделе может не хватить средств на текущую деятельность. В середине июня оно исчерпало фонд на выплаты компенсаций за проигранные Польшей дела в Европейском суде по правам человека в Страсбурге (...) До середины 2010 г. суд рассмотрел 209 жалоб граждан Польши (...) Приговора ожидает несколько тысяч дел». («Жечпосполита», 28 июля)

• «Академия им. Леона Козьминского и Главная торговая школа — единственные польские вузы, которые попали в рейтинг, опубликованный вчера в «Файнэншл таймс». Из 65 бизнес-вузов во всем мире, попавших в рейтинг, Академия заняла 30 е место, а ГТШ — 47-е». («Жечпосполита», 21 сент.)

• «В прошлом году число абитуриентов, принятых в частные вузы, уменьшилось на 17 тысяч человек (...) Проф. Анджей Козьминский, ректор Академии им. Леона Козьминского, подчеркивает, что сегодня нужно бороться с иностранными вузами — за польского студента, равно как и за кандидата из-за границы. “Международные аккредитации, участие в рейтингах — это сегодня рецепт успеха. Сегодня около 25% студентов стационара составляют у нас иностранцы, и не только из Европы, — говорит он, — а мы хотим, чтобы эта доля увеличилась до 50%”». («Пшеглэнд», 3 окт.)

• «Отношение к иммигрантам ухудшается. Полицейские службы понемногу, но упорно увеличивают свою власть во имя безопасности (...) Хотя (...) легальная и нелегальная иммиграция у нас незначительна, все-таки и у нее на счету есть несколько эксцессов (...) То тут, то там имеют место стихийные вспышки нетерпимости и расизма. Даже к полякам-цыганам, которые живут в своей обособленной культуре, соседи относятся иногда как к опасным чужакам. Налицо также значительная нетерпимость по отношению к трудовой эмиграции из Украины и Белоруссии. Эксплуатация, пренебрежительное отношение поляков — такова, к сожалению, нередко картина наших взаимоотношений (...) А то, что происходит в беженских центрах, наглость и жестокость чиновников по отношению к людям, лишенным прав и защиты, в основном скрыто за бюрократической завесой. Разве что разразится скандал, как тогда, когда польские власти позволяли вьетнамской госбезопасности запугивать и вербовать вьетнамцев, а также решать, кто получит вид на жительство в Польше (...) Беженцами в Польше интересуются несколько неправительственных организаций, иногда СМИ. Политики их

игнорируют — ведь это не выборы (...) Европейские общества, охваченные масштабным процессом индивидуализации (...) со всё большим трудом выдерживают живущие по соседству консервативные сообщества иммигрантов. А иммигранты с растущей настороженностью наблюдают за радикальными общественными изменениями». (Марек Бейлин, «Газета wyborcza», 2–3 окт.)

- Всего число разрешений на работу, выданных иммигрантам в 2008 г., составляло 15 тысяч, в т.ч. руководящим кадрам — 4,9 тыс., квалифицированным работникам — 6,2 тыс., лицам, занятым на простых работах, — 2,6 тыс., информатикам — 0,4 тыс., представителям творческих профессий — 0,2 тыс., остальным — 0,7 тыс. Источник: SOPEMI 2009. («Ньюсуик-Польша», 3 окт.)

- «Британским властям надоели приходящие из Польши европейские ордера на арест, выданные по пустякам. В августе в дом Гжегожа, хозяина строительной фирмы под Ливерпулем, постучались полицейские с ордером на арест. Документ, присланный польскими властями, касался кражи 25 плиток шоколада пять лет назад (...) Британская полиция арестовывает людей, подозреваемых на берегах Вислы, например, в краже десерта или в хранении 0,15 г индийской конопли (...) В 2009 г. Польша выслала около 4,8 тыс. ордеров на арест, в т.ч. почти тысячу — в Великобританию. Для сравнения: все государства ЕС выслали в общей сложности менее 11 тыс. такого рода документов, а сами британцы — около ста». («Ньюсуик-Польша», 26 сент.)

- «По данным Центрального управления тюремной службы, к концу 2009 г. в суды было подано 2216 исков против тюрем на более полумиллиарда злотых. В этом году прибавилась еще, как минимум, тысяча. Волну исков вызвало решение Верховного суда от 2007 г. [который постановил, что перенаселение в камерах может унижать человеческое достоинство], а также постановления Страсбургского суда, предписывающие выплату компенсаций». («Газета wyborcza», 30 сент.)

- «Центральное антикоррупционное бюро задержало Марека Р., уполномоченного Церкви в Имущественной комиссии министерства внутренних дел и администрации, по обвинению в коррумпировании комиссии. Если обвинение подтвердится, то города, в которых Церковь вернула свою бывшую недвижимость, могут потребовать огромные компенсации (...) За 19 лет работы Имущественная комиссия присудила Церкви более 60 тыс. гектаров земли и 490 строений стоимостью 24,1 млрд. злотых». («Газета wyborcza», 22 сент.)

• «Вчера епископы подвергли резкой критике обвинения в адрес Имущественной комиссии, назвав их «систематическими нападками на Церковь» (...) Епископ Будзик критику решений Имущественной комиссии сравнил даже с «травлей, которая велась в сталинские времена»». («Газета wyborча», 30 сент.)

• «Истоки сегодняшней материальной мощи Церкви заложены в принятом в мае 1989 г., непосредственно перед падением ПНР, законе об отношении государства к католической Церкви (...) Закон от 17 мая 1989 г. (...) гарантировал Церкви возвращение награбленного имущества, дал ей право торговать землей и постройками, предоставил налоговые и таможенные льготы, обеспечил духовенству социальное страхование из бюджета. Церковь получила право основывать собственные радио- и телеканалы; в ее собственность вернулась благотворительная организация «Каритас»; государство обязалось финансировать католические вузы и выделять дотации на разнообразные католические учреждения (...) Церковь содержит 1240 детских садов и начальных школ (...) у нее 417 средних школ (...) 69 высших школ и университетов (...), 33 больницы, 244 амбулатории, 267 домов престарелых, 538 интернатов, 1820 семейных консультаций, 1462 специальных воспитательных учреждения и 287 других благотворительных учреждений, (...) 120 католических издательств, 300 газет и журналов, 50 радиостанций, один всепольский телеканал, а кроме того — около 160 тыс. гектаров земли». (Цезарий Лазаревич, «Политика», 2 окт.)

• «В Оксфорде наш приходской священник всегда — и в снег, и в дождь — ездил на велосипеде. Он был скромный, но все его уважали. В польской Церкви всё несколько по-другому — видна наглость, погоня за роскошью. Как-то в одном польском городе мне довелось ездить с тамошним архиепископом на его «Мерседесе» с т.н. мигалкой. Что бы об этом подумал наш бедный оксфордский настоятель?» — проф. Норман Дэвис. («Политика», 18 сент.)

• «Доверие поляков к Церкви падает. 54% анкетированных хорошо оценивает деятельность Церкви, а в июне этот показатель достигал 64%. Сегодня негативное мнение выразило 35% респондентов, три месяца назад — 25%, — информирует ЦИОМ». («Польска», 21 сент.)

• «Из года в год жертвой насилия со стороны пациентов и их семей падает все больше врачей и медсестер, — бьет тревогу Высшая врачебная палата (...) Когда в 2007 г. среди врачей провели специальное анкетирование, больше половины из них

ответила: да, нас толкали, тормошили, тыкали и даже били (...) Председатель ВВП Мацей Хаманкевич обращает, впрочем, внимание на то, что по статистике в Польше не худшая ситуация: до сих пор не погиб ни один врач». («Впрост», 26 сент.)

• «Пайдейя означала существование определенного порядка, в который мог включиться человек на определенном нравственном и интеллектуальном уровне, достижимом только путем многолетних упражнений, человек, победивший безответственность, нерасторопность и податливость на манипуляции (...) Сегодня наоборот: человек приобретает все права, не сделав еще ничего полезного (...) Это означает не что иное как жизнь без обязательств, но со всеми привилегиями (...) Пайдократия, которая для греков была самым страшным кошмаром, — это наши будни (...) В Польше она чувствует себя особенно хорошо из-за слабости нашей элиты (...) Поколение свободной Польши представляет собой новый тип человека, которого ввиду его отношения к обществу и государству следует назвать постсовременным варваром (...) Самым лучшим определением этой постсовременности является введенная Зигмунтом Бауманом категория текучести. Это противоположность постоянству Нового времени, с его рациональностью и нравственностью, формировавшими гражданина национального государства». (Бартломей Радзеёвский, «Польска», 17–19 сент.)

• «В наши времена самой важной особенностью общественной структуры стала ее раздробленность (...) Мы находимся в центре процесса, характерная черта которого — слияние и разделение. То, что останется, мы сможем наблюдать лет через 50–100 (...) В этом процессе общественной трансформации компьютер и Интернет играют роль, подобную той, какую сыграло изобретение книгопечатания. Следствия этой коммуникационной инновации будут видны только много лет спустя (...) Непосредственным следствием Интернета стал пока что рост индивидуализации, этого основного атрибута современности (...) Государство на первый взгляд становится все сильнее, но в то же время колонизированные им области содержат всё меньше общества. Общество как система, вытекающая из человеческих действий, начинает формироваться в другом месте», — проф. Мирослава Мароди. («Газета wyborcza», 2–3 окт.)

• «Актеры, журналисты, музыканты и простые варшавяне приковали себя цепью к собачей будке на варшавской Замковой площади. Этим они хотели показать, как плохо собаке, когда ее

приковывают к будке цепью (...) Подобные хепенинги прошли вчера в сорока городах Польши». («Жечпосполита», 20 сент.)

• «В сентябре в Беловежской пуще идет гон оленей (...) Администрация Государственных лесов создала в пуще собственные охотничьи угодья и (...) продает право на убийство животных. Мы, большая группа подготовленных активистов, решили встать между охотничьими лабазами и оленями (....) Одетые в светоотражающие жилеты, мы будем перемещаться группами и шуметь (...) Вот уже три года у министра охраны окружающей среды лежит заявление руководства Беловежского национального парка о создании вокруг парка охранной зоны. На границе парка установлено больше 20 лабазов, и стоит зверю высунуть голову за пределы своей территории, как он получает пулю в лоб. Умерщвление парковых животных никого не волнует. Министерство никак не реагирует. Мы внесли жалобу в Еврокомиссию», — Зенон Кручинский, Лаборатория защиты всех существ. («Политика», 18 сент.)

• «На охоте в Беловежской пуще по ошибке застрелили зубра. Старые деревья пущи перерабатываются на мебель и спички. Государство не справляется с охраной последнего первобытного леса Европы. Поэтому граждане начали акцию «Отдайте национальные парки» (...) Гражданский комитет законодательной инициативы подготовил проект поправок к закону и собирает под ним подписи (...) Чтобы проектом занялся парламент, нужно собрать 100 тыс. подписей. По приблизительным подсчетам, пока их около 35–40 тысяч. Акция продлится до ноября». («Политика», 9 окт.)

• «Жители Наревки, одной из трех гмин, на территории которых расположен Беловежский национальный парк, высказались против его расширения (...) Министерство охраны окружающей среды хочет увеличить БНП на 12 тыс. га. В настоящее время он занимает около 10 тыс. га, т.е. около одной шестой польской территории Беловежской пущи». («Дзенник — Газета правна», 6 окт.)

• «Польша, а также Австрия, Германия и Словакия постоянно нарушают европейские нормы, касающиеся содержания в воздухе пыли. Еврокомиссия пригрозила непослушным странам процессом в Европейском суде справедливости, а в перспективе — ощутимыми финансовыми санкциями (...) За нарушение норм в Польше ответственны прежде всего сотни тысяч домашних хозяйств, которые топят в печах самым дешевым углем». («Польска», 4 окт.)

• «Организм, из которого тянут соки паразиты под названием homo sapiens, — это планета Земля. Они могут довести ее «до истощения и даже смерти», только вот, в отличие от растительных и животных паразитов, им не удастся найти нового хозяина (...) Следовательно, homo sapiens — единственный паразит, доводящий (...) до «истощения и даже смерти» самого себя. Этой исключительностью homo sapiens обязан тому, что он sapiens, что он думает, что он ставит себе цели и ищет средства их достижения. Чем лучше ему это удавалось и удастся, тем ближе он к вымиранию: к самоуничтожению, к коллективной смерти», — проф. Зигмунт Бауман. («Газета выборча», 2-3 окт.)

АКТИВНЕЕ К ВОСТОКУ ОТ БУГА

Лех Качинский создал вокруг себя легенду политика, который верен идеям Ежи Гедройца в польской восточной политике. Но больших успехов он не достиг. Новый президент может эти идеи воплотить в жизнь. С успехом.

Восточную политику часто называли самой светлой частью президентства Леха Качинского. И, хотя он не достиг в этой области крупных успехов, сам факт, что он уделял много внимания отношениям с соседями Польши на Востоке, часто ездил туда и совершал символические жесты вроде поддержки Грузии два года назад во время ее войны с Россией, признают его большой заслугой. Бронислав Коморовский не должен отказываться от активности к востоку от Буга, хотя может расставить акценты несколько иначе. Благодаря гармоничному сотрудничеству с правительством и более реалистичным целям он может оказаться эффективнее своего предшественника.

Уже несколько месяцев среди экспертов, занимающихся Востоком, идет спор о том, какой должна быть польская стратегия в регионе. Говорится о необходимости строить отношения с соседями более прагматично, делать ставку прежде всего на выстраивание экономических связей и в меньшей степени — на символическую сферу, в том числе на решение трудных исторических проблем.

В государствах, расположенных к востоку от Буга, у президентов куда более сильная позиция, чем в Польше: на практике они руководят исполнительной властью. В Польше положение Коморовского слабее, но благодаря тесной связи с правящей «Гражданской платформой» его слова могут обладать созидательной силой — в противоположность инициативам Леха Качинского.

Обдумывая восточную политику, Коморовский должен разумно поделить задачи с правительством Дональда Туска. Пользуясь своей конституционной позицией, он может заняться такими сферами, которые по соображениям прагматизма и сосредоточенности на экономических вопросах для правительства трудно осуществимы или же оно открыто признает их второ-, если вообще не третьестепенными. Таким путем Коморовский может придать восточной политике новое качество.

С Россией — не только о Катыни

Леху Качинскому так и не удалось начать диалог с Россией на высшем уровне. Бронислав Коморовский встречался с российским президентом Дмитрием Медведевым уже два раза — в Кракове на похоронах Леха Качинского и во время празднования 9 мая в Москве. До этого момента бремя улучшения польско-российских отношений лежало на плечах премьер-министров обоих государств. Бронислав Коморовский может втянуть в этот процесс своего российского коллегу, который ранее за неимением партнера в Варшаве не был этим особенно заинтересован.

Правительства Польши и России могут взять на себя груз экономических вопросов, а президенты — заняться окончательной расчисткой символической сферы, в первую очередь трудной истории. В последнее время Россия сделала действительно немало, чтобы закрыть катынское дело. Для его окончательного решения не хватает практически двух вещей: реабилитации жертв катынского преступления российскими государственными учреждениями и рассекречивания всех документов российского следствия. Решение этого вопроса должно быть первой и бесспорной инициативой Коморовского.

Несмотря на обещания, дававшиеся на самом высоком уровне, Россия по-прежнему не в состоянии предпринять конкретных действий в катынском деле. За последние месяцы наблюдалось много дружественных слов и жестов, но не хватает конкретных действий. Российская бюрократическая машина не в силах справиться ни с реабилитацией польских офицеров, ни с полным снятием секретности с документов следствия. Нет другого выхода, кроме как пытаться уладить данное дело на высшем уровне. Для Коморовского это может быть шансом, но вместе с тем и большим вызовом. «Искренний и конкретный разговор на уровне президентов о том, что надлежит сделать, может наконец-то разрешить эту проблему», — говорит Алексей Памятных из общества «Мемориал».

Второе дело — это следствие по вопросу смоленской катастрофы. Коморовский может объяснить российским партнерам, какое значение оно имеет для Польши. Объективное и всестороннее расследование причин катастрофы без малейшего замалчивания будет иметь большое значение для завтрашнего дня польско-российских отношений. Ибо любые неясности станут использоваться оппозицией в Польше как аргумент против сотрудничества с Россией.

Польско-российские отношения не должны, однако, сводиться исключительно к истории или к смоленской катастрофе. В прошлом году премьер-министр Владимир Путин в тексте, опубликованном в «Газете выборчей», предложил строить их таким же образом, как Москва это делает с Берлином, и по образцу франко-германского примирения. Покровительство над этим процессом могли бы символическим образом взять на себя именно президенты. Создаваемый Польско-российский центр диалога и взаимопонимания, инициирование молодежного обмена, оживление культурного и регионального сотрудничества, побуждение бизнеса к взаимным инвестициям — вот лишь ряд идей, которые должны получить поддержку нового президента.

Не оставлять без внимания Украину

Не менее активным следует быть президенту применительно к Украине. Новая команда, стоящая у власти в Киеве с начала этого года, менее чувствительна к историческим вопросам, чем ее предшественники, а также производит впечатление пророссийской. Но это не означает, что не следует с ней сотрудничать. Как раз наоборот. Исторической задачей Коморовского может быть установление тесного диалога со своим украинским коллегой Виктором Януковичем, пытающимся балансировать между Москвой и Брюсселем. И такое же вовлечение Януковича в сотрудничество с Польшей, какое удалось Александру Квасневскому с Леонидом Кучмой. Это потребует усилий, а результат, возможно, удастся достигнуть не сразу, но дело того стоит.

Нужно искать совместные экономические проекты, которые заинтересуют новую, более прагматическую команду в Киеве. Тем, что связывает Польшу и Украину, в силу обстоятельств станет совместное проведение через два года чемпионата Европы по футболу. Прагматизм новой команды на Днепре позволяет надеяться, что в этом сотрудничестве будет складываться лучше, чем с ее предшественниками.

Из символических проектов наиболее реальным представляется создание в Карпатах Польско-украинского дома встреч молодежи, фундамент которого начали закладывать предыдущие президенты. В конце июня были подведены итоги конкурса на проект здания, украинская сторона выделила участок под его строительство в живописном селе Микуличин, продолжаются работы над технической документацией. Осталось только наполнить этот проект реальным содержанием, тем более что он пользуется поддержкой местных властей и Ивано-Франковского университета, его

главного инициатора. Это проект, устремленный в будущее независимо от конъюнктуры. Любопытна, хотя всё еще остается на бумаге идея создания польско-украинского университета, готовящего специалистов по вопросам развития отношений Украины с ЕС. В длительной перспективе они в большей мере помогут сближению Украины с Брюсселем, чем гладкие и обходительные декларации политиков.

С Лукашенко разговаривать, но...

С Белоруссией нужно поступать осторожно, но последние годы показали, что диалог с Минском лучше санкций и изоляции. Контакты с властью не должны, однако, означать отсутствия всякой поддержки для оппозиции, хотя шансы, что она в ближайшее время завоюет власть, более чем туманны. Александр Лукашенко пробует освободиться от России, сближаясь — хотя бы экономически — с ЕС. Стоит поддерживать этот процесс в надежде, что с годами он приведет к более глубоким изменениям в Белоруссии. Поддерживать — но не настолько, чтобы брать на себя ответственность перед Европой за политику Лукашенко. Рекомендуемый некоторыми экспертами принцип условности в поддержке Белоруссии (помощь в обмен на конкретные действия, улучшающие функционирование правового государства и соблюдение гражданских свобод) представляется самой лучшей стратегией по отношению к Минску.

Есть также смысл искать с Минском соглашения в вопросе полюбовного утрясания дел тамошних поляков. Разрабатываемый МИДа́ми обеих стран компромисс: позволить регистрацию в Белоруссии нескольких польских организаций — кажется разумным способом решения длящегося уже несколько лет спора о местном Союзе поляков — спора, который парализовал отношения между нашими странами. При использовании такого решения каждая из сторон выйдет из конфликта, сохранив лицо.

И Кавказ тоже

Одним из приоритетов Леха Качинского был Кавказ — особенно поддержка Грузии. Это не только не принесло очевидных выгод, но и привело к тому, что Тбилиси не раз использовало польского президента в своей иногда авантюрной политике внутри страны и за ее пределами. Стоит помогать Грузии в модернизации и трансформации, но без чрезмерной ставки на ее сегодняшнего президента Михаила Саакашвили, который неоднократно показал себя не слишком ответственным лидером.

Поддержка Саакашвили должна быть четко обусловлена тем, насколько он будет соблюдать принципы демократии в стране и предоставлять оппозиции свободу действий. До сих пор, невзирая на многократные декларации о желательности сближения с Западом, практика действий грузинского лидера зачастую была противоположной, на что Лех Качинский закрывал глаза, считая, что государству, которому угрожает Россия, положена безусловная помощь Польши.

О сырье без иллюзий и грёз

Лех Качинский мечтал о том, чтобы в Польшу с Кавказа и из Центральной Азии потекли нефть и газ, добытые не в России. Мечта, может быть, и правильная, но малореалистичная: у стран бывшего СССР руки в энергетике слишком уж связаны Россией. Вместо того чтобы жить иллюзиями, есть смысл работать над диверсификацией источников поставок сырья собственными силами и из доступных источников (строительство терминала сжиженного природного газа в Свиноустье, капиталовложения в ядерную энергетику), а также принимать участие в диверсификационных проектах под флагом ЕС, например в строительстве трубопровода «Набукко».

Лех Качинский умело создал вокруг себя легенду политика, верного идеям Ежи Гедройца в сфере польской восточной политики, хотя если говорить о его эффективности на этом участке, то больших успехов он не достиг. Бронислав Коморовский может воплотить идеи Гедройца в жизнь. Польская восточная политика должна безоговорочно оставаться одним из приоритетов нового президента. В том числе и с целью убедить скептиков из оппозиции, что президентство Коморовского отнюдь не будет означать радикальных перемен на этом участке по сравнению с деятельностью его предшественника.

КОНФРОНТАЦИЯ ГОМУЛКА— ХРУЩЕВ, ОКТЯБРЬ 1956

Недавно мне в руки попала небольшая, скромно изданная российская книга. Это была монография сотрудника Института славяноведения Российской Академии наук Александра Орехова под названием «Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений»^[1]. Тираж (в России его всё еще принято указывать) был минимальным — 300 экземпляров. Заинтригованный, я начал читать и не пожалел об этом.

Из многих «сюжетных» линий, проходящих через книгу Орехова, в этом тексте я обсуждаю лишь те фрагменты, где автор, опираясь на архивные материалы, пишет о поведении советских властей по отношению к Польше в переломные дни октября 56-го.

Как пишет Орехов, в середине октября руководящие круги Польской объединенной рабочей партии приняли решение о возвращении к власти Владислава Гомулки. Хрущев узнал об этом лишь из отчета советского посла в Варшаве Пономаренко. 12 октября посол, информируя о разговоре с польским премьер-министром Циранкевичем, писал, что тот поставил его в известность о серьезном политическом и экономическом положении, сложившемся в Польше. В заключение Пономаренко добавлял, что его беспокоит предстоящий пленум ЦК ПОРП. Охаб (тогда еще первый секретарь ЦК), как отмечал посол, идет на его пленум с сомнениями по поводу взаимных экономических отношений и с не слишком правильными взглядами на проблемы, связанные с «культом личности» и ростом независимости от СССР.

Познакомившись с телеграммами из Варшавы, Хрущев пришел к выводу, что настало время срочно действовать. Вскоре Пономаренко известил Охаба, что в Варшаву, невзирая на протесты польской стороны, прибудет советская партийно-правительственная делегация. Тогда же, 18 октября, министр обороны маршал Жуков отдал приказ привести в боевую готовность части и подразделения советской армии, находившиеся в Польше.

С каждым часом положение становилось всё более напряженным. Автор указывает, что и на польской стороне было введено состояние готовности внутренних и пограничных войск. Оно не касалось вооруженных сил страны — Войска Польского, которым командовал тогда маршал Рокоссовский.

В таких обстоятельствах утром 19 октября польская партийная делегация прибыла в аэропорт Окентье, чтобы приветствовать «советских товарищей». Хрущев после выхода из самолета не скрывал своего возмущения. Издали грозил кулаком. А когда приблизился к встречавшим, то не захотел подать им руку, зато выкрикивал: «Мы проливали кровь за освобождение этой страны, а вы хотите отдать ее американцам, но вам это не удастся».

Орехов подчеркивает, что угрозы Хрущева прозвучали зловеще, так как лидеры ПОРП систематически получали информацию о передвижениях советских бронетанковых и механизированных войск в направлении Варшавы. Реальная опасность их появления на подступах к польской столице оказала сильное воздействие на развитие дел, — пишет российский автор.

А в Варшаве события разыгрывались тем временем в двух плоскостях. Было открыто заседание VIII пленума ЦК ПОРП, которое назначило Гомулку первым секретарем ЦК, и параллельно начались польско-советские переговоры на высшем уровне в Бельведере.

Дискуссию там открыл Микоян, выразив беспокойство о положении в Польше. Он упрекнул Охаба, что тот не информировал Москву о происходящем. Затем слово взял Гомулка. Он заверил советских представителей, что предусмотренные изменения в руководстве ПОРП отнюдь не будут означать недружественного отношения к СССР.

Хрущев выступил с репликой, что польские рабочие не выразят согласия на политическую линию нового руководства ПОРП. Услышав это, Гомулка предложил Хрущеву немедленно отправиться на любой завод, где можно будет убедиться в том, каковы истинные настроения рабочих. В процессе всё более лихорадочного обмена мнениями взволнованный Гомулка с русского, которым владел слабо, перешел на польский язык. Хрущев его не понимал. Неловкое положение спас Охаб, устроивший перерыв.

В эту минуту польская сторона получила новые сведения о передвижениях советских войск. Было также известно, что в Варшаве нарастает напряжение. Рабочим раздали несколько сотен единиц огнестрельного оружия.

После возобновления прений советских делегатов попросили разъяснить причины, по которым советские части покинули районы своей дислокации. И получили ответ, что это связано с запланированными учениями.

Атмосфера становилась все более нервной. В какой-то момент Гомулка, подойдя к Хрущеву, обратился к нему: «Уважаемый товарищ Хрущев, на Варшаву движется советская бронетанковая дивизия. Очень прошу вас отдать приказ о том, чтобы ее не вводили в город. Было бы лучше всего, если бы армия не приближалась к Варшаве. Опасаюсь, что может произойти нечто, чего потом уже не удастся исправить».

О том, в какой острой форме велся разговор, свидетельствовал обмен мнениями между Гомулкой и Молотовым. Последний выступил с упреками польской стороне, говоря об антисоветских митингах, а также о враждебных к СССР высказываниях польской прессы. На это Гомулка вроде бы откликнулся следующей репликой: «Как это у товарища Молотова — в связи с тем, что он сказал о Польше в 1939 году, — еще хватает мужества приезжать в Варшаву» (имелось в виду прославленное высказывание Молотова от 31 октября 1939 г., в котором тот говорил о ликвидации Польши как «уродливого детища Версальского договора»).

Тем временем советские части, согласно полученной вечером 19 октября информации, уже достигли районов Ленчица — Лович и Влоцлавек — Гостынин.

В 2 часа был объявлен очередной перерыв в переговорах. Советские делегаты направились в близлежащее посольство СССР. Здесь Хрущев неожиданно предложил оказать Гомулке поддержку. Хотя это означало полное изменение занимаемой до сих пор позиции, никто не возражал. Маршал Конев получил приказ остановить войска, которые совершали марш на Варшаву.

Размышляя над причинами такой перемены, Орехов на передний план выдвинул заверения Гомулки, что Польша не намерена выходить из Организации Варшавского договора, а это было для советских делегатов самым главным. В подтверждение он приводит следующие слова из

воспоминаний Хрущева: «Считаю, что положение спас Гомулка, когда столь убедительно высказал свои соображения».

Стоит добавить сюда и следующее: далеко не безразличным было также известие о получении от Рокоссовского телеграммы, что он не владеет подчиненным ему Войском Польским.

Заканчивая, Орехов выражает точку зрения, что под нажимом польской стороны советская делегация была фактически вынуждена признать продвижение бронетанковых дивизий на Варшаву военной и политической ошибкой. Пришлось также уступить и в других вопросах: согласовали цену за получаемый из Польши уголь; приняли к сведению тот факт, что ЦК ПОРП решения по своим кадровым вопросам принимает сам, без консультаций с Москвой; выразили согласие на отзыв советских офицеров из Войска Польского и советников — из органов безопасности. Однако, с другой стороны, было достигнуто соглашение о ликвидации напряженности в польско-советских отношениях, которая могла грозить непредсказуемыми последствиями.

Вот о чем написал Александр Орехов. К этому есть смысл добавить, что в тот момент был создан исторический прецедент. Впервые после II мировой войны советское правительство уступило стране, подчиненной ему. В Польше уже не было возврата к методам сталинизма, хотя состояние зависимости от СССР удерживалось еще много лет.

-
1. М.: Индрик, 2005. См. также другие работы А.М.Орехова на ту же тему: События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995; Москва и кризис 1956 г. в Польше. (Несколько новых, неизученных документов) // Польша-СССР. 1945-1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; Польский Октябрь 1956 года в международной политике. Международная научная конференция в Варшаве // Славяноведение. 2007. №3. — Ред.

НАЙДИ МНЕ ЕГО

— Гробы будут открывать, вы об этом уже знаете?

— Чего ради? Зачем?

— Так это наша польская специальность — горькая, добавлю. Если не через год, так через 50 лет. Поэтому прошу рассказать о каждой детали вашей поездки в Москву, важна каждая мелочь.

— Было так. Сидели мы в управлении совета министров.

— В субботу, 10 апреля.

— Вечером, после возвращения премьер-министра из Смоленска. Собрались у него в кабинете.

— Сколько человек?

— Помню, что были Грась, Арабский, Остахович и я. Только те, кто в течение нескольких ближайших часов мог на что-то пригодиться.

— На что?

— Никто не знал, как будут выглядеть ближайшие часы, какая будет поступать информация.

Так вот, встретились мы за круглым столом в кабинете премьера. Премьер Туск подавленный. Мои коллеги, твердые мужики, сидят с опущенными головами, совсем оцепенели, ни один не отзывается. Никто не знает, что сказать, ибо о чем говорить!? Мрачная тишина. И тут вдруг входит Михал Бони и говорит, что звонят семьи родственников, хотят ехать в Москву и спрашивают, может ли премьер им помочь.

Ранее на заседании совета министров было принято решение, что семьи, которые приедут в Варшаву за телами своих близких, поселятся в гостинице «Новотель», о них позаботятся, их будут опекать психологи.

— С психологами вы говорили в 16 часов.

— А до этого с Авиационной службой скорой помощи и с врачами. Все службы, которые могли для чего-то пригодиться,

были задействованы с самого утра, сразу после катастрофы. И уже работали либо находились в состоянии готовности.

Премьер посмотрел на нас: «Представляете себе, в каком они состоянии? — и спросил: — Как им туда ехать одним?»

— В Москву?

— Да, и это будет для них дополнительным страданием.

Я сказала, что в соответствии с польскими законами останки опознаёт семья. И хотя это не обязанность близких, они должны туда поехать, если захотят.

Тогда премьер сказал: «Они сядут в самолет, большинство русского языка не знают — и будут там в Москве совсем одни в своем несчастье».

Снова воцарилась тишина. И я сказала: «Ну, так я полечу с ними».

— Вы говорите по-русски?

— Говорю. На это Арабский добавил: «Тогда я лечу с тобой».

— Министр Арабский догадывался, что там увидит?

— Нет.

— А вы?

— Мне казалось, что да. В Шидловце, где я много лет работала, я занималась и судебной медициной. Видела много изуродованных тел. Ездила на места автомобильных и железнодорожных аварий, самоубийств, убийств. Тогда я заметила, и это казалось удивительным, что люди вешались или бросались под поезд преимущественно ночью.

Премьер уточнил: «Значит, выезжаете завтра с самого утра?»

— Да, утром. Подготовим прием родственников, проверим места в отеле, ну, и все остальное, что требуется, — ответила я. «Это хорошо», — заметил премьер.

Я поехала в гостиницу Сейма, уселась в своей комнате у телефона и начала собирать команду специалистов, с которой полечу. Бывший замминистра здравоохранения Анджей Влодарчик предложил взять специалистов из Познани, но я не воспользовалась их помощью, потому что к утру они бы не приехали. Нужно было рассчитывать на людей из Варшавы. Посреди ночи позвонила ректору Варшавской Академии

профессору Кравчику и попросила дать фамилии специалистов по судебной медицине. Он назвал — и я начала им звонить, будила их среди ночи.

— Кто-нибудь отказался?

— Нет.

— Спрашивали о деньгах?

— Нет, никто не спрашивал.

Самолет должен был вылететь в 8 утра. Я не спала даже минуты. Бросила в чемодан сменное белье, что-то для сна, туалетные принадлежности, два свитера, две тенниски, юбку.

— Тоже черную, я видела по телевидению.

— Да, черную. Мой отец умер в марте прошлого года, и, хотя траур минул, я всё еще по инерции одевалась в черное, и в шкафу у меня было много темных вещей. Впрочем, потом всё пришлось выбросить, носить было уже нельзя. Вы когда-нибудь были в прозекторской?

— Была.

— Тогда вы понимаете, о чем речь.

— Пропиталось...

— Да-да. Я полетела в черном костюме и в туфлях на каблуке. Совершенно без понятия. Не взяла ни брюк, ни удобной обуви, не подумала об этом. И ноги распухли, но это уже потом.

— Все собрались в аэропорту?

— Все, около 30 человек.

— Среди вас были пять психиатров, четверо судебных медиков из Института судебной медицины, семь судебных медиков и генетиков из полиции, а также министр Томаш Арабский из канцелярии премьер-министра и замминистра иностранных дел Яцек Найдер.

— В Москве в аэропорту нас ждали посол, сотрудники посольства и российская милиция, которая сопровождала наши автомобили. Мы сразу поехали в морг — в Центральное бюро судебно-медицинской экспертизы, в Тарном проезде.

— Вы бывали там раньше?

— Никогда, я вообще впервые была в Москве. Улочки вокруг морга были почти пустыми, на перекрестках стояли милиционеры, а перед моргом — толпа журналистов. Морг этот — огороженный комплекс зданий. Это самый большой в России центр судебной медицины и, вероятно, один из самых больших в мире. Открыт недавно.

— Директор — Владимир Жаров.

— Встретили нас перед главным входом. Была также Татьяна Голикова, министр здравоохранения. Высокая, стройная, со вкусом одетая, красивая и молодая. По образованию она экономист, не врач, и в предыдущем правительстве была замминистра финансов. При всем при этом очень симпатичная и безумно коммуникабельная.

Нас пригласили в большой холл. Все очень сердечны. Из холла коридоры ведут к разным административным помещениям. Подозреваю, что в нормальных условиях здесь принимают посетителей. Здесь и кабинет Жарова, и служебные комнаты, а напротив главного входа — лестница, ведущая в большой зал на втором этаже. Он напоминает лекционную аудиторию для студентов. Есть мягкие сиденья и возвышение, на котором стоят столы и трибуна.

Нам рассказали, какие правила приняты в России. Каждая семья будет допрошена следователем, который задаст ей множество вопросов, содержащихся в рутинной анкете, потом ей покажут фотографии тел, а затем произойдет опознание останков.

Русские спросили нас, хотим ли мы посмотреть, где будут допрашивать семьи жертв и где произойдет опознание останков.

Конечно, хотим. Мы прошли через маленький двор к отдельно стоящему зданию. Оно было большим, но всё же немного меньше первого. На первом этаже находился — как и в предыдущем здании — большой холл, очень хорошо спроектированный, с красивым кафелем и большим количеством — не знаю точно — бежевого мрамора или песчаника. Из холла выходили шесть пар высоких дубовых дверей, почти до потолка. А сразу при входе — лестница, ведущая к малым залам разного размера, где российские следователи должны были беседовать с родственниками. Всё, что мы видели, было старательно и эстетично оборудовано, даже с легкой роскошью. И еще не причиняло страданий.

— Там было пусто?

— Ну конечно. Из холла мы прошли в зал осмотра. Тоже очень чистый, как следует проветренный, с приятным свежим запахом. В зале стоял каменный стол из бежевого мрамора или песчаника, на который — как я представляла себе — ставят гроб, а в гроб укладывают тело. Я спросила, а где тела? Мне ответили — ниже.

— В подвале?

— Нет, этажом ниже, в отделе судебной медицины.

— Уже все тела привезли?

— Все, которые нашли и собрали той ночью, а потом привезли.

В подвальное помещение можно было спуститься на лифте или сойти по лестнице. Мы сошли по лестнице, вся группа. Я была готова к тому, что на прозекторских столах будут лежать останки.

Полы и стены до самого потолка были покрыты белым кафелем, всё очень чистое и приличного вида. Если бы я оценивала все эти помещения как контролер, который проверяет санитарное состояние и старается обнаружить конструктивные дефекты, мешающие функциональности помещений, я бы не нашла никаких недостатков. Всё соответствовало европейским стандартам. И тут я внезапно обнаружила, что осталась одна.

— Коллеги сбежали?

— Ушли обратно наверх. Картина тут была гнетущая. Стоял целый ряд холодильников, никогда не видела столько в одном помещении. А в воздухе уже чувствовался иной запах. Вы помните запах в прозекторской?

— Сладкий.

— Машинально я открыла один холодильник. Там были выдвижные полки. Потянула за одну, вторую, третью. Закрыла. Такого вида я не ожидала, думала, что ошиблась. Открыла второй холодильник, было еще хуже, в третьем, четвертом, пятом... всё хуже и хуже. Вернулась наверх и заявила, что если российские врачи приступят к работе, то мои люди в их распоряжении, и можно начинать.

— Что конкретно?

— Наши врачи, судебные медики, были приглашены как эксперты при опознании останков.

— У них были фотографии жертв?

— Их наше посольство уже предоставило — увеличенные и в больших количествах. И медики, сравнивая их с фотографиями тел, которые были сделаны русскими, вместе с антропологами измеряли, осматривали и производили внизу первое опознание останков для родственников.

Русские предложили нам свой образец гроба. У них уже были приготовлены. Обычный деревянный гроб с атласом внутри, его вставляли в металлический ящик и запаивали. Ящик был высокий, примерно втрое больше обычного гроба. Министр Найдер поблагодарил и сказал, что гробы будут наши и что самые хорошие — итальянские, с другой конструкцией. Внутри гроб металлический, он запаивается, а сверху — деревянная крышка.

— Более красивые?

— Пожалуй. Если это — не будем себя обманывать — вообще имеет какое-то значение.

— Для некоторых имеет. Вы ведь слышали о «русском» гробе.

— Не хочу этого комментировать. Министр Яцек Найдер связался с МИДом, и правительство постановило немедленно доставить гробы из Италии.

— С затратами не считались?

— Нет.

Нам показали комнату с подготовленной одеждой. Госпожа Голикова была горда тем, что они обо всём подумали и обо всём побеспокоились. Они приготовили комплекты мужской и женской одежды. На вешалках висели лиловые атласные блузки и женские костюмы, как и мужские костюмы. Очень элегантные. И всё совершенно новое, с этикетками, запакованное в полиэтилен.

— Надо было заплатить?

— Нет, даром. Всё, что нам предоставили русские, было даром. Мы не платили также ни за гостиницу, ни за экспертизу.

— Одежда пригодилась?

— Да. Ведь не все семьи приехали в Москву на опознание останков, а многие из тех, кто приехал, были в таком шоке, что ничего не привезли. Одежда ведь — последняя вещь, о которой при этом думаешь.

Наши медики остались в бюро экспертизы, а я с психологом и министром Арабским поехала в гостиницу встретиться с родственниками погибших. Я сознавала, что это моя обязанность — хоть немного подготовить их к тому, что они увидят. Первая группа родственников прилетела в Москву после 11 вечера.

— В воскресенье 11 апреля.

— В ней было 116 человек. На следующий день прибыли еще 80 человек.

— Они приехали с ксендзом Блащиком и сотрудниками Авиационной службы скорой помощи.

— Мы ждали их в гостинице. Это была пятизвездочная гостиница высокого стандарта. Родственники подъехали на автобусах.

Я входила вместе с министром Арабским в каждый автобус, приветствовала их и просила как можно быстрее зарегистрироваться у администратора, оставить багаж в номере и спуститься вниз в конференц-зал.

Регистрация была упрощенной — администратор только записывала фамилию и давала ключ. Каждый, кто хотел спать отдельно, а не с остальными членами своей семьи, получал одноместный номер.

В гостинице действительно обо всем побеспокоились. Для нас подготовили большой конференц-зал, чтобы все мы могли собраться и поговорить в одном месте. Несмотря на очень позднее время работал ресторан с горячей пищей. Он был открыт 24 часа в сутки в течение всего нашего пребывания, в любое время можно было съесть что-то горячее. А когда со стороны родственников поступали сигналы о каких-то дополнительных потребностях, каждое пожелание исполнялось беспрекословно, хотя некоторые были очень хлопотными.

— Например?

— Доступ в Интернет. Кто-то хотел обязательно иметь доступ в своем номере, а были какие-то технические препятствия, не

помню деталей. И через несколько часов доступ был обеспечен.

Ночью я всех уговаривала несмотря на усталость и позднее время выпить горячего чая и что-нибудь съесть. «Завтра, — говорила я им, — вас ждет очень трудный день. И вы не должны забывать, — пробовала я их убедить, — об элементарных действиях, о которых при таком напряжении чаще всего не думается». И каждый день просила их не забывать есть, пить...

Собрались мы в конференц-зале. Я не могла скрывать, что будет очень трудно пережить то, с чем они завтра столкнутся. Я сказала им: «Послушайте, вы должны быть очень сильными. То, что я сегодня увидела, хотя и работала в этой области и должна бы привыкнуть к смерти, производит впечатление. Вам надо быть в десять раз сильнее меня, ибо вы будете осматривать останки своих близких».

При этом я старалась дать им понять, что картина, которую они увидят, будет не такой, какую они ожидают. Что во многих случаях это не будет целое тело.

— **А можно ли вообще подготовить?**

— Нет, полностью — нет. Я видела это по реакции.

— **Какой она была?**

— Не буду говорить. Во всяком случае, потребовались наши врачи и психологи.

— **Два психолога сломились.**

— Они не выдержали напряжения. На следующий день они вернулись в Польшу, на их место прилетели другие.

— **А вы?**

— В моменты напряжения и максимальной концентрации надпочечники накачивают адреналин вдвое быстрее обычного, я действовала как автомат.

— **«Командир» — говорили о вас русские.**

— Мы работали как одна команда, без деления на министров, медиков, техников. И не было случая, чтобы кто-то обижался, что с ним обошлись неофициально.

Утром съели завтрак, был шведский стол, и поехали с первой группой родственников в бюро экспертизы. Следующие семьи

должны были присоединиться к нам позже. Разделились с министром Арабским на группы, чтобы уменьшить время ожидания в коридорах бюро.

В отдел патоморфологии ехать около часа, он находится в 40 км от центра Москвы. Российская милиция обеспечила нам сопровождение, и наши автобусы имели на улицах приоритетный проезд.

В холле первого здания стояли столики и был буфет, работавший с того момента, как мы входили, до того момента, когда последний из нас выходил, а иногда это случалось в два или три часа ночи. Подавали также обед.

— Тоже бесплатно?

— Конечно. Стояли и напитки, фрукты, бутерброды и пирожные. Если кто-то не хотел есть со всеми, мог пойти в отдельную комнатку.

— А вы-то что-нибудь ели?

— Мало.

В конференц-зале меня усадили за столом президиума рядом с директором центра и российским министром или замминистра здравоохранения. На столе лежали пачки фотографий тел или фрагментов тел, помеченных номерами. Рядом сидели следователи, переводчики, психологи и сотрудники наших консульств.

Директор бюро и представитель российского министерства здравоохранения объяснили родственникам всю процедуру, через которую им надлежит пройти. Что вот сейчас вы пойдете с переводчиком и опекуном в другое здание. Там конкретные семьи встретятся со своим следователем. Он будет задавать вам вопросы, вы заполните формуляры и расскажете о разных делах, касающихся умершего. Потом вам покажут фотографии и найденные при умершем вещи — для опознания. Предпоследним этапом будет осмотр тела, то есть опознание умершего, а под конец вас всех пригласят в первое здание для сдачи крови на генетическое исследование.

— И это длилось часами.

— Утром в первый день опросы проводились в четырех помещениях, и возник затор. Ожидавшие своей очереди люди волновались, каждый приехал с четко намеченным заданием и хотел как можно скорее найти своего ближнего. Во второй

половине дня число следователей увеличили, а наше посольство вызвало своих сотрудников из консульств в соседних государствах. Стало лучше.

— А точнее?

— Опрос проводился в присутствии нашего медика и психолога, которые заботились о состоянии опрашиваемого. Переводчиками были преимущественно студенты польской филологии из Московского университета.

— Следователь задавал родственникам и нервировавшие их вопросы — зачем умерший приехал в Россию.

— В формуляре были стандартные вопросы. В каждой стране бюрократия обременительна, но и неизбежна. Следователь расспрашивал родственников об особых приметах — родинках, послеоперационных шрамах, зубных коронках. То есть о приметах, которые были известны только ближайшим родственникам. И показывал фотографии с характерными фрагментами тела. Эти снимки были выбраны нашими судебными медиками и российскими антропологами, которые ранее провели предварительное опознание. Если родственники узнавали на фотографиях своего ближнего, их приглашали в зал осмотра.

И было так: родственники ждали в холле, на лифте в зал осмотра привозили тело в полиэтиленовом пакете и укладывали на стол, ибо поначалу еще не было гробов, укрывали белой или зеленой простыней и приглашали родственников. Показывали по частям, в присутствии российского следователя и прокурора, а также нашего психолога и медика из Авиационной службы скорой помощи.

— Как это — по частям?

— Ну, по очереди. На основе показаний родственников. Если они сказали, что на правой руке было родимое пятно или шрам, то сначала показывали эту руку. Если говорили, что была родинка над губой, показывали этот фрагмент лица. Я присутствовала при десятке с лишним опознаний и видела, насколько деликатно и старательно обращались с родственниками, чтобы их меньше шокировать. Чтобы они избежали кошмарной картины. Российские судебные медики вели себя попросту необыкновенно.

После опознания родственники возвращались к следователю и подтверждали, что опознанное тело — это такой-то, и

подписывали протокол. Или же говорили, что своего ближнего не нашли.

— И тогда?

— Были случаи, когда родственники искали день за днем.

— Внизу?

— Нет, какое там! Родственники вообще не входили в прозекторскую. Искали на снимках. И в нескольких случаях, к сожалению, оказывалось, что в показанном теле родственники не распознали своего ближнего.

Мы им говорили: если не узнаете, не спешите, ничего не подписывайте и ждите результатов генетической экспертизы. Исследование ДНК исключает возможность ошибки, оно даст вам стопроцентную уверенность.

— Образцы прислали из Польши?

— У родных или детей умершего кровь брали в Институте судебной медицины в Москве, а если их там не было, Агентство внутренней безопасности в Польше получало генетический материал в квартирах жертв.

Иногда звучали и горькие слова.

— От родственников?

— Да. Они были попросту очень подавлены. Очень.

— Тем, что то, что вы с ними делаете, бесчеловечно. Правда?

— Это вытекало от обиды на весь свет. Не хочу помнить этих слов. Я объясняю их огромным стрессом. Ведь для них то, что они пережили, было страшным испытанием.

— Для вас — тоже.

— Это верно.

— И многие из тех — давайте скажем об этом, наконец, — кто поехал в Москву добровольно, без всякой оплаты помогать этим родственникам, до сих пор не могут психически прийти в себя.

— Я знаю об этом.

— И это испытание им останется на всю жизнь. А за исключением одной или двух семей их никто даже не поблагодарил.

— Я их поблагодарила. А в отношении родных — ну, что ж, я стараюсь относиться к ним с пониманием. Одна из них, причинившая мне огорчение, перед выездом подошла и сказала мне, что это были самые трудные минуты в ее жизни. Я ответила, что понимаю и что родные имеют право на такую реакцию.

— А сейчас — тоже?

— Сейчас я ожидаю от них терпения. И раздумий. Ибо если и было что-то с нашей или российской стороны, что могло им не понравиться, то, однако, атмосфера доброжелательности и сердечности, которой они были окружены, должна заслонить им организационные недостатки. Эта катастрофа стала несчастьем, которое трудно было преодолеть не только психически, но и организационно. Охватить всё! Каждый, у кого есть сомнения, пусть подумает, мог ли он в действительности сделать лучше.

Вечером, и даже ночью, я сидела с родственниками, чтобы еще что-то обговорить, развеять сомнения, подготовить их к следующему дню. Одни выезжали в понедельник вечером, другая группа улетала во вторник. Потом в среду, в четверг.

— Без труда опознали 14 тел, 20 распознали по особым приметам. Остальные были сильно деформированы или расчленены.

— Не следует об этом писать.

— Но пишут. Через две недели после катастрофы одна из газет сообщила, что под Смоленском найдена половина тела одной из жертв, назвали фамилию.

— Бред совершенный! Я его видела! Министр Арабский тоже видел.

— И писали, что из трупа текла кровь.

— Через 14 дней! Ну нет! Люди пишут такой бред, что не уместается в голове.

— Не без участия политиков.

— И я об этом сожалею. Думаю, что воображение тех, кто сегодня высказывает несправедливые суждения и кого не было тогда в Москве или Смоленске, даже в минимальной степени не доходит до того, что мы там видели.

— А производились ли вскрытия?

— Сразу после прибытия мы узнали от российских медиков, что вскрытия произведены. Это подтвердили и польские медики, видя характерные следы на телах. Я сама видела тела с типичными для вскрытия швами. Российские медики заверили также, что взяты образцы для токсикологического анализа.

— А сколько было взято образцов ДНК? Сотни, тысячи?

— Много, очень много.

— От каждой части?..

— От каждой.

— Были бы в Польше условия провести все эти исследования?

— Это пришлось бы делать в нескольких центрах, мы не в состоянии были бы сделать в одном месте.

— Родственники должны были бы ездить по всей Польше?

— Прежде всего ждать. А в Москве все тела привезли в одно место, где не было недостатка ни в холодильниках, ни в прозекторских столах для проведения вскрытий. И несмотря на это опознание последних тел — 21-го — заняло почти две недели. У нас бы это тянулось значительно дольше.

— Потому что в Москве можно было все останки разложить на столах и складывать?

— Не хочу и не могу вдаваться в детали. Но когда слышу разные высказывания, думаю: Боже, эти люди вообще не понимают, что такое авиационная катастрофа.

— Так, может, надо им это объяснить?

— Сергей, доцент кафедры патоморфологии, антрополог, очень способный и, что является редкостью в этой профессии, невозмутимый, часами всматривался в снимки, а потом исчезал внизу. Возвращался, и по его поведению я видела, нашел или нет. Мне очень важно было найти одного из моих друзей. Просила его: «Найди мне его, я пойду с тобой, вместе

поищем». — Нет, я сам, — отвечал. А когда в четверг уезжала, сказал: — Эва, обещаю тебе. (Плачет.) Я не могла спать. Спала час, может час сорок. Опухли ноги.

— В Москве?

— Да. Были ночи, когда только час, час сорок. И по двадцать часов на ногах. Это была тяжелая работа не только в эмоциональном смысле, но и физически.

— В среду военным самолетом CASA привезли 30 гробов, в четверг — 34.

— Я прилетела со спасателями из скорой помощи на четыре часа раньше, рейсовым самолетом.

— А в пятницу вы, как обычно, пошли на работу в министерство.

— Делала всё, чтобы заснуть. Не пила кофе, не пила крепкого чая. Была кошмарно уставшей, физически всё у меня болело — и не спала.

— Таблетки не помогали?

— Нет, я не принимаю никаких таблеток, я против употребления транквилизаторов. Само должно пройти. Через три дня не стояла на ногах. И отпустило. Выключила телефон, легла и уснула мертвым сном, спала 14 часов. И на следующий день была совершенно без чувств. Только тогда. И только тогда до меня дошло, ЧТО в Польше говорят о катастрофе. Мы там жили в микромире, были полностью сосредоточены на том, что делаем. Никто не занимался спекуляциями и не выдумывал теорий заговора. Мы не воображали себе, что в Польше что-то движется в параноидальном направлении и что кто-то раскручивает эту паранойю. Я встретила с ребятами из моей команды, а они говорят: «Боже, там в Москве вроде было лучше, чем тут».

Через четыре дня снова надо было лететь в Москву. На более короткий срок, лишь на два дня. Полетела 21 апреля, в среду, вернулась в пятницу. С несколькими людьми поехала за последними телами. Очередная порция адреналина.

Сергей меня встретил возгласом: «Эва, нашел!» Побежала к нему...

Не могу, извините.

— Это я прошу прощения, что спрашиваю.

— Он выглядел, будто бы спал.

Родственников уже не было.

Спустилась вниз, в прозекторскую. Там был лабиринт коридоров и помещений с прозекторскими столами, несколько сот квадратных метров. В каждом помещении всё ещё шла тяжелая работа, а уже столько дней прошло с момента катастрофы.

— Почти две недели.

— Российские медики предупреждали меня: как почувствуешь сладкий привкус во рту, сразу выходи наверх.

— Проветриться?

— Отдохнуть. Они говорили (улыбается): «Ты, Эва, иди и закури сигарету».

— А в прозекторской нельзя курить?

— Нет, нет, только снаружи. Я выезжала наверх, выкуривала две-три сигареты, прогуливалась, было пусто, и возвращалась.

А потом останки укладывали в гробы. В этом участвовала комиссия в составе поляков из нашего посольства и русских. Каждое тело было помечено табличкой с фамилией. Всё было сфотографировано. Момент закрытия гроба тоже снимал наш техник из польской военной прокуратуры.

Я присутствовала при этом. И выполнила просьбы родственников. Они дали мне семейные реликвии, чтобы вложить в гробы. Вложила.

Беседу вела Тереса Торанская

ЧЕТВЕРТОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗИМЕЖА КУЦА

Куц, который уже сотни раз заявлял, что Силезия — пройденный этап в его творчестве, в очередной раз к ней вернулся. И возвращение это получилось очень личным, интимным, иногда прямо — таки волшебным. Режиссер доказал: не он сам не вписывается в общепринятые схемы, а его Силезия не соответствует представлениям поляков и, несмотря на почти 90 летнюю связь с Польшей, продолжает оставаться отдельным, параллельным миром. Автор отрицает автобиографичность книги, объявляя всех героев плодом своего воображения, но при этом немного хитрит, ибо эти персонажи неотделимы от его жизни: мать, отец, дедушка, дядя, школьные друзья, соседи, чиновники, полицейские, учителя. Неотделимы они и от его родного Шопенице, маленького городка, выросшего под Катовице вокруг цинковых и оловянных заводов, в треугольнике железных дорог, ведущих во все стороны света, среди выродившейся природы, отравленной на пять метров в глубину.

Сожженные мосты

О своих земляках он был не лучшего мнения. При каждом удобном случае говорил, что силезцы по природе нерасторопны, безвольно плывут по волнам истории, собирая тумаки со всех сторон. Он искал для них оправдания в исторических невзгодах, в результате которых они непрерывно попадали под власть то одного, то другого режима: политического, государственного, языкового и культурного. Сама Силезия вызывала у него крайне противоречивые чувства, поэтому три раза в жизни он уезжал отсюда с намерением никогда больше не возвращаться.

В первый раз он уехал в 1949 г. — в Лодзь, учиться. Пейзаж детства в рабочем поселке у цинкового завода, в поистине фантастическом окружении грязных масляных отстойников, насыпей и свалок, вызывал у него отвращение. Спустя много лет он признался: «Время от времени я приезжал навестить родных, и каждый раз, когда поезд вкатывался в этот ландшафт, меня тошнило от отвращения и я только и ждал, чтобы оттуда свалить».

Первое расставание было самым долгим — оно продолжалось около 20 лет. Как художник он принял каноны «польской киношколы», и этого хватило, чтобы в течение длительного времени блистать в столичных салонах. Но его всё равно считали чужаком, у него единственного за плечами было прошлое плебея с западных окраин, выросшего на совершенно иной почве, нежели общепринятый романтический миф польской литературы. Когда Варшава залечивала раны после марта 1968 г., наступил первый кризис, который можно назвать кризисом самосознания. Куц вспоминает его так: «Я осознал, что при таком раскладе ничего нового уже не придумаю. Я мог бы долгие годы оставаться пьянчужкой, проводящим жизнь за столиком в актерском клубе, но мне было всего сорок — слишком рано, чтобы опуститься».

Силезский Голливуд

Помогла встреча с Ежи Зентеком, председателем президиума Катовицкого воеводского народного совета (должность, аналогичная нынешнему воеводе), легендарной личностью того времени. В биографии Зентека уже были крупные стройки, общественные здания, жилые районы, школы и больницы, но была у него еще мечта о силезском Голливуде. Куц проглотил наживку. Зентек оказал помощь при съемках фильма. Дело было даже не в деньгах — гораздо более полезным было всё то, что воевода мог решить с помощью всего одного звонка: доступ на заводы и шахты, толпы статистов, техническое обслуживание, пошив костюмов, сооружение декораций. Так появилась «Соль черной земли» (1969).

Фильм стал не просто культурным событием. Пейзаж, который прежде вызывал у автора отвращение, неожиданно стал для него художественной материей высшей пробы и в то же время своеобразной декларацией самосознания. Плебейско-пролетарский силезский дух на киноэкране неожиданно вознесся на высочайший пьедестал, а режиссер чуть ли не в одночасье сделался кумиром Верхней Силезии. Куц воспользовался случаем и практически сразу же снял «Жемчужину в короне» (1971), не менее живописную киновалладу, в которой раскрыл общественную тему силезского несчастья, людей, бездушно используемых разными режимами, людей, чья тоска по Польше была понапрасну растрачена.

Сегодня, с перспективы сорока лет, видно, что эти фильмы имели для жителей Верхней Силезии почти мифологическое значение. На основе куцевской эстетики, в соответствии с его картиной Силезии, а также с характером героев фильма,

сформировался образ жителя этой земли, который был усвоен и функционирует до сих пор.

Силезский Голливуд начал набирать обороты. В Катовице была создана первая киностудия за пределами Варшавы, коллектив «Silesia» — естественно, под руководством Куца, который был назначен также главным режиссером катовицкого телевидения. Однако идиллия продолжалась недолго. С тех пор как во главе партии в Катовице стал Здислав Грудзень, обострился его конфликт со старым воеводой, который в 1975 г. подал в отставку. Куц потерял своего главного покровителя, а вскоре и должность руководителя студии «Silesia», и работу на телевидении. Обескураженный, он решил второй раз покинуть Силезию.

Из жизни Гишовца

Однако в 1979 г., когда эпоха Герека клонилась к закату, Куцу подвернулась под руку гениальная тема: по указанию всё того же Грудзеня в Катовице приступили к разрушению «капиталистического реликта», поселка Гишовец.

Режиссер моментально написал сценарий фильма «Бусинки одних четок» и еще успел запечатлеть на камеру, как один за другим исчезали дома с садами, которые построили для шахтеров «мерзкие капиталисты». С общественной точки зрения это была еще одна попытка показать силезское несчастье, с художественной — Гран-при на кинофестивале в Гдыне. Разрушение Гишовца прекратили, а Куц стал в родной Силезии предвестником августа 1980 года. Он вернулся на должность главного режиссера катовицкого телевидения, а также стал автором постоянной рубрики в местном иллюстрированном журнале «Панорама», где каждую неделю печатал свои манифесты. Он посвящал их региону и его жителям, боролся с местными комплексами, тешил силезское «эго», изобличал истинную и предполагаемую несправедливость, высмеивал «угнетателей». Он снова стал кумиром, чему способствовала атмосфера карнавала «Солидарности».

Куц был «своим» и все больше становился символом верхнесилезской независимости. Он и сам подзадоривал народ, в новых статьях сообщая о том, каких бед его земляки натерпелись сначала от прусских властей, потом от санации, от Гитлера и, наконец, от коммунистов.

Конец карнавала

Увенчанием этого периода должен был стать поставленный в Театре телевидения спектакль «Старый кошелек» драматурга из Забже Станислава Беняша — суровое обвинение коммунистической Польше, рассказ о бывшем силезском повстанце, который под давлением нищеты отрекается от своих идеалов, получает немецкое пособие и уезжает в ФРГ. Спектакль был готов за несколько дней до введения военного положения.

Мечь властей была жестокой. 13 декабря 1981 г. Куц был интернирован — один из немногих деятелей культуры такого ранга. А «Старый кошелек» был уничтожен (втайне сделанную копию спасли и сохранили до 1989 г. двое техников). Когда режиссер сидел в милицейских застенках, по общепольскому телеканалу ТВП шел его фильм «Соль черной земли».

Выйдя на свободу после вмешательства катовицкого епископа Херберта Бедножа, Куц несколько месяцев мыкался по Катовице. Наконец он в третий раз предпринял отчаянную попытку покинуть Силезию. На этот раз он решился на шаг, в котором некоторые упрекают его до сих пор: принял от генерала Чеслава Кищака «извинения за ошибочное интернирование» вместе с «военной репарацией», что подразумевало квартиру в варшавском районе Вилянув — месте проживания номенклатуры.

Двумя годами позже он снял фильм «На страже своей стоять буду» — о первых месяцах гитлеровской власти в польской части разделенной Силезии и о трагических судьбах героев зарождающегося среди интеллигентской молодежи сопротивления. Фильм не нашел отклика, что окончательно выбило из колеи его создателя. С этих пор на каждый вопрос о своей малой родине он решительно отвечал, что это пройденный этап, к которому он не намерен возвращаться. Даже когда после падения ПНР он снял фильмы «Смерть как краюха хлеба» (1993) и «Обращенный» (1994), в Силезии разворачивалось лишь их действие, но силезцев там не было.

Восстановление самосознания

После 1989 г. в Верхней Силезии начался лавинообразный процесс восстановления самосознания.словно грибы после дождя вырастали региональные организации, появлялись необычные культурные мероприятия, такие как массовый конкурс говора под названием «По-нашиму, то есть по-силезски» (авторства Марии Панчик). Было положено начало региональному образованию, в 1990 г. в Катовице начал вещание первый местный телеканал. Хотя сегодня коренные

силезцы составляют в регионе меньшинство (всего около 1,2 млн. в нынешних Силезском и Опольском воеводствах и около 130 тысяч в Чехии — из 6 млн. всех жителей этого региона), сила регионального самосознания оказалась неиссякаемой и даже притягательной для людей, которые прежде его в себе не ощущали. Не хватало лишь самого главного — лидера.

Режиссер долго сопротивлялся, прежде чем вернуться в очередной раз. Он жил в Кракове, где сотрудничал с театрами и телевидением. На все просьбы и предложения из Силезии решительно отвечал «нет». Это, мол, пройденный этап моей жизни. Однако в 1994 г. он начал вести ток-шоу на втором канале телевидения: «Весело, то есть грустно. Беседы Казимежа Куца о Верхней Силезии». Стало ясно, что «волка в лес тянет».

В 1997 г. на волне популярности он решил баллотироваться в Сенат от Катовицкого воеводства. Получил рекордные полмиллиона голосов. С тех пор на каждых последующих выборах он без всякого труда получал мандат, несмотря на то что отказался от партийных рекомендаций, баллотируясь в качестве независимого кандидата.

Антиэталон

Порой он сам удивляется своей популярности: «Ведь я — полная противоположность тем ценностям, которые считаются здесь самыми важными. Во весь голос заявляю о себе как об агностике и антиклерикале, что в глубоко религиозной Силезии неприемлемо. Я был трижды женат, а два развода в регионе, настолько подчеркивающим значение семьи, — недопустимый грех. Я всегда в первых рядах на маршах гомосексуалистов, а для консервативно мыслящих силезцев это скандал».

Но, видимо, консервативность земляков не слишком сурова. Друг Куца, композитор Войцех Киляр, человек глубоко религиозный, неоднократно повторял: «Я думаю, что у Казимежа это своего рода поза. Когда я смотрю на его творчество, то вижу, что оно насквозь христианское, что в нем больше веры, чем во мне, живущем с часословом и четками в руках». С уважением относятся к Куцу и силезские епископы, а опольский ординарий архиепископ Альфонс Носсоль был инициатором присвоения режиссеру степени почетного доктора Опольского университета.

Растущая популярность принесла ему отличный результат в рейтинге выдающихся силезцев XX века, составленном в 2000 г. «Газетой выборчей» по итогам голосования читателей.

Победил — что было предсказуемо с самого начала — Войцех Корфанты (1873–1939), легендарный христианско-демократический политик, бесспорный кумир силезцев на рубеже XIX–XX веков. Второе место голосующие отдали уже упоминавшемуся Ежи Зентеку (1901–1985), который считался образцом чиновника на службе обществу даже в смутные времена ПНР. Третьим в этом списке был Казимеж Куц, получивший самые высокие оценки из ныне живущих.

Автономист

Куц существенно пересмотрел свои взгляды на историю и современность Силезии. От апофеоза борьбы за польский дух и плебейской легенды он отошел на позиции сторонников силезской автономии. Он все больше говорит о многокультурной, многонациональной и многоязычной истории и культуре этого места. Сегодня он сторонник далеко идущего местного самоуправления на манер довоенной автономии Силезского воеводства. Обосновывает он это так: «Силезцы “обожглись” на государственном и национальном подчинении во всех возможных его проявлениях. Они всегда оставались прежде всего рабочей силой и пушечным мясом. Их постоянно обращали в свою веру, попеременно германизируя, чехизируя и полонизируя. Еще недавно здесь жили люди, которые, не сходя с места, были поочередно гражданами шести государств».

В ходе всеобщей переписи населения 2002 г. Куц объявил себя силезцем по национальности и стал одним из 173 тыс. граждан, которые таким образом определили свою национальную принадлежность. Он горячо поддерживает начинания в области систематизации силезского языка. Кроме того, он стал духовным покровителем крепнущего Движения за автономию Силезии, а когда его иронично сравнивают с Моисеем, он отвечает: «Я уже много раз говорил, что силезцы играют в Польше роль этаких вице-евреев. Нас, как и евреев, постоянно в чем-то подозревают. То в том, что мы сепаратисты и хотим распада страны, то в том, что мы скрытые немцы, и т.п. А мы просто хотим быть самими собой у себя дома».

В Варшаве Куц заработал себе репутацию стареющего «платформенного» горлопана (он сейчас сенатор от «Гражданской платформы»), которого телеканал ТВН охотно использует, когда нужно пройтись по «Праву и справедливости». В ПиС его ненавидят, Ярослав Качинский даже приехал в Силезию и на встрече в Бытоме публично требовал «устранить Куца». Местные политики из органов самоуправления то и дело молча глотают горькие пилюли,

которыми Куц потчует их с позиций мудреца, с чьим мнением не спорят.

Когда порой сотрудники просят его смягчить язык, он отвечает: «Старость дает мне привилегию безнаказанности, которой я и пользуюсь. Я не должен руководствоваться политкорректностью. Слишком долго о силезских проблемах говорили вполголоса, просительным тоном».

Подведение итогов

Осенью 2008 г. Куц объявил, что болен раком и диабетом. Но «Пятая сторона света» отнюдь не стала его художественным завещанием. Скорее его дебютный роман можно назвать попыткой разобраться с собственной мифологией. Как режиссер он создал слишком идеализированный образ своей малой родины. Его силезские герои были кристально чисты и благородны, накрахмалены и отутюжены, по-силезки порядочны и честны, религиозны и изысканны. Они должны были стать противоположностью Польше шляхетской, кичливой, сварливой, страдающей завышенным самомнением и погруженной в собственную историю. Если среди них и появлялся отрицательный персонаж, то это наверняка был немец или выходец из Царства Польского. Самым большим успехом режиссера была вера его земляков в то, что они такие на самом деле.

В начале 70 х, когда куцевская мифология была на вершине успеха, в Катовицком воеводском комитете ПОРП искали противоядие этому успеху. В конце концов удалось найти изданный в 1969 г. в Германии роман „Cholonek oder der liebe Gott aus Lehm” («Холонек, или добрый Бог из глины»). Его автором был Хорст Экерт (псевдоним Янош), родившийся в 1931 г. в Забже. Этот писатель был известен во всем мире как автор популярных книжек для детей, которые он сам иллюстрировал. Он сколотил на них состояние, поселился на Тенерифе и от всей души написал о своих родных краях.

Образ силезцев в этом романе ужасал. Автор, беспощадный насмешник, изобразил своих земляков плотоядными невеждами, праздными, медлительными грубиянами, лишенными всяческих духовных ценностей и поворачивающимися подобно флюгеру туда, откуда подует политический ветер. На страницах «Холонека» кто-то то и дело убивал кого-то топором за кусок сала, совокуплялся с лицами противоположного либо своего же пола, а то и с близкими родственниками, обжирался, напивался и валялся в грязи. Автор не имел снисхождения к силезцам, в лучшем случае —

немного сочувствия к жестоким приговорам истории. Роман получился замечательным с литературной точки зрения, необычайно убедительным, поэтому вскоре его перевели и в 1972 г. издали как нечто вроде анти-Куца. С этих пор в искусстве существовало два контрастных силезских мира: Куца и Яноша.

Куц не скрывает, что при написании «Пятой стороны света» черпал вдохновение из «Холонека». В 2004 г. он впервые встретился с Хорстом Экертом во время приезда последнего в Забже, и можно сказать, что они подружились, обнаружив глубокое единство опыта и идентичность характеров и судеб: силезца с польской стороны и силезца со стороны немецкой. Каждый был своего рода изгнанником и каждый по-своему постоянно возвращается на свою малую родину. Можно с уверенностью сказать, что благодаря «Холонеку» герои романа Куца стали намного более яркими и сочными, нежели ангелы из его первых силезских фильмов. Автор подобно библейскому пророку говорит своим землякам: я уже дал вам все, что мог дать и в искусстве, и в общественной деятельности, привел вас в землю обетованную, а теперь скажу вам, какие вы на самом деле.

40 лет назад режиссер описывал мир, который, хоть и угасал, но был еще жив. Сегодня того мира уже нет, он перенесен в сказку, в которой возможно все.

НЕ НУЖНО РАССЧИТЫВАТЬ НА ИНТЕЛЛЕКТ ЛЮДЕЙ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Когда в 80-е годы Чеслав Милош в книге «Свидетельство поэзии» ссылался на авторитет Михала Борвича, немногие из читателей знали, о ком идет речь. Тем более поражала проницательность приведенных у Милоша соображений Борвича о той литературе, которая создавалась во времена немецкой оккупации. Наиболее важным представлялось наблюдение, что низкий художественный уровень этих произведений заключается в следующем: человек в пограничной ситуации не в состоянии назвать то, с чем он сталкивается, так как его разум прячется в готовые клише, усвоенные когда-то литературные штампы.

Кем же был этот человек, который посмел высказать столь очевидное и вместе с тем столь кощунственное мнение? Какое он имел на то право?

Родился Борвич в Кракове в 1911 г. в небогатой еврейской семье, за трудный характер его несколько раз вышвырнули из школ, но он все-таки закончил Ягеллонский университет по специальности «польская филология», а его наставником был выдающийся полонист и публикатор Станислав Пигонь. После завершения учебы занимался популяризацией истории литературы по радио и в газетах. Тогда он еще пользовался семейным именем Максимилиан Борухович. Активно действовал в Союзе пацифистов, позднее — в Польской социалистической партии (ППС). А незадолго до начала войны приступил к работе над монографией о Станиславе Бжозовском. Тема была спорной: у этого писателя — беспокойного духа польского модернизма, врага шляхетского невежества и слепого революционного фанатизма — имелось множество врагов и среди патриотов-консерваторов, и среди старых социалистов. За ним тянулись несправедливые обвинения в сотрудничестве с охранкой. Боруховичу хотелось писать прежде всего о трагизме идей и судьбы Бжозовского. Написать книгу не удалось. Во второй половине августа 1939 г. Борухович находился в научной поездке в Женеве. Однако в связи с мобилизацией он вернулся. Разразилась война. Он

оказался в армии и попал в немецкий плен, откуда, естественно, сразу же бежал.

И очутился в занятом Красной армией Львове. Польская творческая интеллигенция, попавшая туда, разделилась на две категории. Часть из них приняла новые обстоятельства: действовала и писала в согласии с требованиями соцреализма и сталинской пропаганды. Другие (к ним принадлежали, например, один из творцов польского футуризма, Александр Ват, Владислав Броневский, а также и Борухович) старались продержаться, ни во что не вовлекаясь, скрывая свои взгляды и пытаясь не попадаться власти на глаза. И Вата, и Броневского наряду с другими арестовали. Борухович уцелел — видимо, потому что не был известным писателем.

После прихода немцев он скрывался, но на исходе 1942 г. при переброске оружия в гетто его арестовали и посадили в Яновский концлагерь во Львове. Впоследствии Борвич назовет его в своих воспоминаниях «университетом извергов», так как лагерь этот отличался исключительным скоплением садистов среди начальников. Там он пережил собственную смерть, когда, приговоренный к повешению, сорвался с виселицы. Невзирая на такие чудовищные условия, он не только писал стихи сам, но и вел нечто наподобие литературного салона в бараке, уговаривал окружающих писать, собирал и прятал тексты на территории лагеря. Через год ему удалось бежать. В Кракове он установил связь с подпольным социалистическим движением и стал командиром партизанского отряда в Меховском повете, где прославился «лихими вылазками» против немцев (как пишет о нем Рафаэль Шарф: Rafael F. Scharf. O Michale Borwiczu // Puls. 1988. №37). Борвич поддерживал постоянные контакты с подпольной социалистической организацией, действовавшей на территории лагеря в Освенциме, — ею руководил его школьный товарищ Юзеф Циранкевич.

После войны Циранкевич, формируя «дозволенную» ППС, предложил Борвичу (уже употреблявшему тогда сокращенную фамилию) сотрудничество — вступить в партию с перспективой хорошей карьеры. Тот отказался. Не верил он и в смысл дальнейших партизанских действий, хотя многие его товарищи остались в подполье. Он начал работать в Еврейской исторической комиссии, сознательно выбирая дело в стороне от генеральной линии. За два года ему удалось издать полтора десятка необычайно важных книг — по-польски и на идише. Это были источники к истории Катастрофы (дневники, мемуары, стихотворения), а также анализ указанных источников, собственные воспоминания и, наконец,

объемистый том «Песнь уцелеет...» Антология стихотворений о евреях при немецкой оккупации». Нужно еще добавить, что Борвич нарушил принцип, сформулированный в названии, — добавил туда еще и стихотворения, ставшие откликом на послевоенные еврейские погромы в Кракове и Кельце.

Сразу же после выхода этой книги, в марте 1947 г., он был вынужден бежать из Польши под угрозой ареста. Между прочим, предостерег его сам Циранкевич, в тот момент уже не только генеральный секретарь ППС, но и премьер-министр.

Борвич забрал с собою чемодан с рукописями и через Стокгольм выехал на Запад. Поселился он в Париже и основал здесь Центр изучения истории польских евреев, занимавшийся в первую очередь документированием и анализом источников к истории Катастрофы. Несколько лет спустя он решил защитить в Сорбонне диссертацию по социологии. Ее темой должны были стать тексты, возникшие перед лицом смерти при немецкой оккупации, причем как в Восточной Европе, так и в Западной. Его научный руководитель, выходец из Новороссийска, видный социолог Жорж Гурвич испытывал сомнения — более всего он опасался, что автор слишком глубоко знает тему и не сумеет посмотреть на нее со стороны, а также считал, что в научной работе нельзя пользоваться личным опытом. Борвич был, однако, человеком упорным и настойчивым. Работу он написал, умело употребляя инструментарий социологии, филологии, истории, психологии и защитил ее с отличием. Она была напечатана дважды: *Michal Borwicz. Ecrits des condamnés à mort sous l'occupation allemande (1939-1945). Etude sociologique* — в 1954 г. издательством «Пресс юниверситер де Франс» и в 1973 м в расширенном виде — издательством «Галлимар» — кстати, с «политкорректно» измененным названием: «...sous l'occupation nazie».

Вплоть до самой смерти Борвич был небывало активен: он составил монументальный альбом «Тысяча лет жизни евреев в Польше» (по-французски), трехтомную работу о том, как скрывались евреи, — «Арийские бумаги» (на идише), сотрудничал с польской эмигрантской прессой (парижская «Культура», лондонские «Вядомости») и с еврейской секцией французского радио. Вел научную работу в Национальном центре научных исследований.

Борвич не порывал контактов со страной. Вел переписку со своим учителем Станиславом Пигонем — вплоть до смерти того в 1968 году. На родину приехал один раз, осенью 1981 го, когда Польша захлебывалась свободой. Первым долгом он хотел увидеть родной Краков. Заскочил также в Варшаву; здесь

проведал Циранкевича^[1], уже преданного анафеме и отстраненного от власти. Их сугубо личный, полный воспоминаний разговор был приятным, но Борвич спешил на очередную дружескую встречу. «Могу тебя подвезти, — предложил бывший премьер. — А к кому ты едешь?» — «К Пайдаку». Циранкевич ничего не сказал и отвез гостя, разве только остановил автомашину за несколько домов раньше. Дело в том, что Антоний Пайдак был не только старым социалистом, не только одним из приговоренных в московском процессе шестнадцати руководителей польского подпольного государства в 1945 г., но еще и диссидентом, соучредителем Комитета защиты рабочих в 1976-м и человеком, которого весной 1981 г. жестоко избили «неустановленные лица». Таковы три радикально разных судьбы членов довоенной и военной ППС.

Впрочем, Борвич до конца жизни защищал Циранкевича, подчеркивая его роль в освенцимском подполье. По утверждению Борвича, «после Варшавского восстания немцы хотели перебить всех узников. И тогда Циранкевич передал на Запад (ксивы шли через Борвича. — П.М.) фамилии всех эсэсовцев. Такое разглашение перепугало немцев».

Умер он внезапно — в 1987-м году в Ницце, и в соответствии с завещанием был похоронен в кибуце Кабри в Галилее, а его архив попал в собрание института «Яд Вашем».

* * *

Если бы мне потребовалось максимально кратким образом определить исследовательский метод Михала Борвича, я бы сказал, что важнее всего для него была бдительность. Совершенной новостью на польской почве стали опубликованные им в 1945 г. инструкции для тех, кто собирает устные воспоминания жертв гитлеровских репрессий, и отдельные указания, касавшиеся этнографических материалов. Он рекомендовал обращать внимание на мелкие житейские эпизоды, на самые малые, с виду несущественные реалии военного быта, на язык биографического нарратива. Особый вес придавал он текстам, неправильным в языковом отношении. Неправильность разбивает скорлупу стереотипа.

К тому, что он собирал и публиковал, будь то тексты профессиональных писателей и любителей, взрослых и детей, людей нормальных и безумцев, подписанные и анонимные, Борвич относился в принципе одинаково. Это были для него особенно концентрированные по форме свидетельства людских судеб, а их ценность заключалась в том, что возникали

они в пограничной ситуации. Поэтому Борвич с таким вниманием анализировал уцелевшие в подвалах гетто завещания и последние слова, записанные в дневники — нередко в те минуты, когда в дверь уже ломились немецкие солдаты. Он неоднократно подчеркивал также, что сознание убегает от необходимости назвать то, что было для него ново, убегает в стереотип и банальность, в «предательские слова». Увоенными некогда избитыми фразами и цитатами людей «тошнило», как пишет Борвич, словно плохо переваренной пищей.

Он также советовал изучать семантический контекст. И анализировал: что такое была тоска по зеленому лугу в сентиментальной довоенной песне, и чем она стала, когда эту песню пели за стенами гетто?

Борвич задумывался над своеобразным явлением, когда люди пишут о своей жизни в третьем лице, беллетризуют свои переживания, даже расписывают их в жанре драмы — таких текстов он тоже собрал немало. Он констатировал, что дело здесь, вероятно, в терапевтическом отмежевании, но воздерживался от далеко идущих выводов. В подобных случаях появлялась категория таинственного.

Весьма сложно и любопытно отношение Борвича к вопросу нации. Никогда и нигде он, насколько мне известно, не объявлял себя ни евреем, ни поляком. Когда его спрашивали об этом, он отвечал по-разному. Чтобы отделаться: «Ярлыки для меня несущественны», — либо с пафосом (что случалось с ним очень редко): «Моя родина — истина». Составляя антологию «Песнь уцелеет...», Борвич не поддавался уговорам разбить авторов по происхождению на евреев и неевреев, прямо заявив, что это стало бы применением нюрнбергских расовых законов к свидетельствам человеческого духа и человеческих судеб.

Это не значит, что он отвергал категорию нации. Когда вышла в свет книга Владислава Бартошевского «Тот из моей отчизны...» — сборник документов о помощи поляков евреям во время войны, Борвич отметил, что гораздо достовернее была бы книга, показывающая и светлые, и темные стороны польско-еврейских отношений при оккупации, так как героизм выглядит отчетливее на фоне подлости, а в польском обществе той эпохи было и то и другое.

Прежде всего он хотел идти к истине, даже когда она могла омрачить в целом верные выводы. В дискуссии о довоенных антисемитских происшествиях в университетах, свидетелем

которых он был, Борвич, разумеется, не отпускал грехи националистам, но не хотел и демонизировать их. Насколько я помню, говорил он, в тот день не кричали: «Бей жидов!» — а кричали: «Не бить!» При этом, как он сказал в интервью парижскому журналу «Контакт» (1988, №9), антисемитизм в довоенной Польше «был такой густой, что его можно было резать ломтями».

Борвич, безусловно, обладал темпераментом исследователя, который даже собственный опыт хочет рассматривать со многих сторон и подвергает сомнению даже собственную достоверность.

Повторю еще раз: бдительность для Борвича была важнее всего. Я бы даже сказал: недоверие — к памяти, языку, к самому себе. В 1943 г. этот недавний пацифист, типичный интеллигент стал командиром большой партизанской группировки, но, как только стало возможно, сложил оружие, сказав: «Не нужно рассчитывать на интеллект людей с оружием в руках». Но не доверял он и человеку, держащему в руке карандаш или перо. Не доверял ни свидетелям истории, ни ее исследователям. Не доверял языку.

-
1. См. Bogusław Sonik. Ostatnia rozmowa z Michałem Borwiczem // Tygodnik Powszechny. 1988. №29.

ЦЫГАНЕ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Она остригла дочери волосы ножницами почти под ноль и отправила ее в школу. Теперь можно не бояться, что ее затащат в машину и увезут. Потому что если ром выбрал себе девушку, пусть даже 13-летнего подростка, то он может прямо с улицы забрать ее себе в жены.

Спокойно поговорить не удастся: то и дело входит кто-то из цыган, и Анна тогда опускает глаза, говорит тихо, нехотя. Чтобы не обидеть цыган нарушением обычая. Или совсем умолкает, если кто-то неожиданно встанет из-за стола, потому что ему припомнился анекдот, или разорется на весь дом, что, ей-богу, женщину не ударит, чтобы тут же признаться: бывало, и бил морду, но была причина. Да только Анна, наполовину цыганка, у себя дома — это раз. А два: она руководит фондом эмансипации познанских цыганок, отрывает их от мужей. А когда я хочу забрать ее из дома хоть на минуту — ну уж нет, ибо ее цыган обидится. «Как так?» — «Потому что, — объясняет Анна, — не так всё просто». Вот я и гощу у нее три дня, чтобы всё это уяснить. Но ухожу совсем сбитым с толку.

Кто читает, тот заблуждается

Дом нараспашку. Внутри. Большие комнаты без дверей или с широко открытыми дверями, потому что ни у кого здесь нет секретов друг от друга. Стены отделаны старым деревом, украшены афишами скрипача Миклоша. Фотография дочери в цыганском платье — уже только воспоминание: дочь похитил цыган из Щецина. Посреди залы огромное, как трон, кресло, на нем Миклош позирует для фотографий, которые украшают обложки его пластинок. Миклош с ансамблем чардаша ездит по свету, а Анна Марковская, его спутница жизни, ведает фондом «Бахтале Рома», то есть «Счастливые цыгане», — чтобы цыгане были счастливы. «И счастливы?» — спрашиваю, а Анна кивает, но так, что не понять, ответила или нет. Вот уже восемь лет она пробует охватить всю цыганскую Познань. Затягивает ребятишек в детский сад, который организовал фонд, а матерей этих ребят — на курсы шитья, языков и предпринимательства. Если умеют читать. Потому что для 90% польских цыган азбука — это тайна.

Сотни лет цыгане кочевали в кибитках, набитых детишками. От чтения никому ничего не прибавилось: для торговли,

плясок, песен книги не нужны. Нужны ловкость и умение торговаться. Кто умеет — значит, умный, предприимчивый. Кто нет — просто бездарь какая-то. И даже сегодня неважно, грамотен ли цыган, — главное уметь показать себя перед семьей. Миклош описал это в своей биографии. Как у него в доме всегда правила музыка, а не школа. И как отец мучил его за фальшивые ноты — по сей день сын слышит эхо отцовского крика: «Плохо! Плохо!». В этой книге он сводит страшные счета с матерью, которая обокрала деда, а изловленная сопляком Миклошем, колотила сына, пока кровь не пошла из ушей. И убила бы, не прибеги дед с топором. Миклош, вопреки всему, настоял на своем: не только играл, но и читал. И живет сегодня достойно. Может себе и прихоти позволить — вот поставил перед домом старинную цыганскую кибитку. Возьмем, говорит Анна, ромскую семью, каких много в Познани (Миклош говорит «цыгане»: ему эта корректность отдает фальшью; а Анна — «ромы», потому что слово красивое и антирасистское). Никто в семье не работает, читать-писать не умеет, на шее куча детей, а хотят хорошо жить. А еще на содержании старики-родители да деды-бабки, у которых ни пенсии, ни пособий, потому что никто никогда не работал.

Здесь и нужна Марковская с ее фондом. Чтобы с детей начать перемены. Научить их читать и писать, чтобы пошли в жизни другим путем. Но, говорит она сразу, мы не скоро преодолеем традицию, удобную для цыгана, который держит женщину дома с детьми, а сам только хочет, чтобы ему деньги давали. Марковская устроила при фонде начальную школу, гимназию и лицей. Туда ходят двести взрослых ромов, чтобы учиться вместе с поляками. А в детский сад при фонде ходит с десяток детишек этих ромов. Почему так мало? Семейные связи у ромов столь сильны, что маленьких детей не дают чужим на воспитание. Вот Марковская и решила устроить дистанционно обучение. Купила ноутбуки, открыла образовательную страницу в Интернете и объявила, что организует электронные уроки. Но ромы услышали из всего только, что на это дело выделено 300 тыс. злотых дотации. И тут же у дверей фонда сосед с вопросом, что это за учеба, зачем она. И вообще, лучше бы дали ему пару злотых из этих тысяч, он детям чего-нибудь купит. А за соседом следующий, и уже посерьезнее, с претензией, что тратят, мол, деньги на какую-то там учебу, да без толку, потому что деньги пропадут. И Марковская уже совсем не «бахтале», когда приходится объяснять, что эти деньги никто не принесет в чемодане, надо на них закупить что положено, накладные сохранить, а потом отчитаться за каждый злотый. И чем больше объясняет, тем больше ромы подозревают, что она хочет как-то эти деньги от них укрыть.

Да как вы можете, говорит Марковская, это средства общие, для всех ромов. А они: если общие, тем более пусть отдаст.

Романипэ правит

Есть в Познани семья, где дед с бабкой растят 25 внуков, так как родители этих детей ездят работать по всей Европе. Никто не умеет ни читать, ни писать, ни у кого нет профессии, работы, страховки. Марковскую туда и на порог не пускают, потому что старшие не видят причин, чтобы дети учились, а кроме того, некому водить в школу эту толпу. Эльжбета Пшибыляк из познанского магистрата, которая занимается национальными меньшинствами, не знает, о ком идет речь, потому что таких семей в Познани дюжинами считать. И ни один чиновник не знает, где эти цыганские дети живут. Сегодня здесь, завтра там или вообще уезжают за границу. Этого не проконтролируешь. Пшибыляк лишь руками разводит. А если чиновники всё же попробуют что-то выяснить или Марковская вмешается, то начинается настоящая куча-мала.

— Надо еще вот что понимать, — говорит Миклош. — Ромы делят Польшу по кланам. По лицу не поймешь, но если у женщины длинная юбка, то это, скорее, цыганка из польских рома, чем из бергитко, или келдерари, или ловаров.

Для первых кодекс романипэ, определяющий патерналистское положение женщины в клане, — это святое. Для других — всё чаще отягощающая традиция. Миклош — из бергитко, которые раньше других пересели с кибиток на автомобили, когда в Польше в 60-е годы запретили таборам кочевать, и о романипэ он говорит с уважением, хотя и не коленопреклоненно. Именно кодекс романипэ причиной, что дети ромов в школу вообще почти не ходят. Девочкам, еще малолетним, поручают сотни лет исполняемые функции: варить, убирать и сидеть со взрослыми женщинами, которых надлежит слушать и слушаться. Мальчикам проще, но их тоже втискивают за стол с мужчинами, где они должны слушать, как делаются дела. А потом мотаются такие мальцы с узлами по базарам.

Запрещенная физкультура

— А почему все же девочек труднее зазвать в школу? — спрашиваю я у Анны.

Оказывается, даже если мать и согласна, что это надо, дочку всё же в школу не пустит. Потому что не будет ее чадо обнажаться перед чужими. Это во-первых. А второе: если девушка красивая, то может просто пропасть. С первым вот что.

Романипэ велит девушкам скрывать их прелести. А в школе физкультура. То есть гардероб, переодевание. Начальная школа, младшие классы — куда ни шло. Но если девушка уже зрелая, отец и мать категорически против. Марковская направляется тогда в школу на переговоры. Если дирекция согласится, то девушку освободят от физкультуры. Если нет, то непримиримые родители заберут девчонку из школы. Марковская доказывает, что надо думать о позвоночнике дочери, которая без движения станет калекой. Но если родители ни в какую, то, значит, больше дочери-калеки их страшит потеря лица в своей общине. Потому что известие, что девочка ходит на физкультуру и снимает юбку, тут же облетит всех. И в особенно ортодоксальных группах дело может кончиться тем, что семью признают «грязной», — то есть анафемой, отлучением от общины.

Но вот Марковская «бахтале»: удалось, наконец, очередную девочку пристроить в школу, да еще и с физкультурой. И тут же звонок из школы: девочка пропала. Что случилось? А мать девочки узнала, что какой-то цыганский юнец положил на ее дочку глаз и раздумывает, как бы девушку похитить. Так что из дома ее не выпускают. И тут не шайка разбойников. Здесь опять романипэ. Потому что если цыган выберет девушку, пусть даже 13— или 14-летнюю, то он может прямо с улицы забрать ее к себе в дом в жены.

Цыган жену похищает

И вот я выслушиваю истории, от которых дыхание перехватывает, как от острейшей паприки на столе Анны и Миклоша, купленной в арабском магазине. Сейчас, правда (успокаивает меня Анна), реже девушку похищают вопреки ее воле. А Миклош считает, что стало хуже: удирают дочери, которым даже планировали дать высшее образование, чтобы не увядали в традиции неграмотности.

За стеклянной перегородкой студии звукозаписи в подвале фонда я вижу Ирму. Ей 24 года, пять лет назад запрыгнула в машину красивого цыгана. От страха. Не дай бог отец бы узнал, что у дочери роман без его ведома. И со своим цыганом сидела три дня в гостинице, чтобы у родителей остыли эмоции, а цыган мог зафиксировать союз. И цыганское сообщество признало Ирму и ее молодого человека мужем и женой, ибо, по цыганским обычаям, трех дней достаточно, пусть даже официального брака и не было. Ирма, красивая, в шокирующей здесь юбке чуть ниже колен, открывающей ладные икры, закидывает ногу на ногу. Она записывает пластинку с родственницей и сыном Миклоша. В свои 24 Ирма окончила в

Польше только три класса начальной школы. Потом уехала с родителями к бабушке в Германию. Сидела в доме с женщинами, а когда вернулась уже подростком в Польшу, отставала настолько, что ни одна школа не хотела ее брать.

Поднимаюсь наверх и рассказываю Анне, что познакомилась с девушкой, которая сбежала от отца. Да, говорит Анна, поэтому матери, случается, стригут дочерям волосы, чтобы таким образом отбить ухажеров. Анна начинает рассказывать, и этот триллер — вовсе не из местного фольклора. Когда ее дочке Габриэле было 13 лет, вокруг нее стал крутиться поклонник. Габриэла ходила в Познани в детскую музыкальную школу. Марковская боялась, что потеряет дочь, поэтому взяла ножницы и остригла ее так коротко, что не понять: девочка или мальчик. Дочь долго плакала, хотя мама успокаивала: так надо, доченька, для твоего же блага. А как только волосы отросли до небольшой челки, снова ножницы, снова стрижка, снова плач. И так несколько лет. И Анна объясняет мне, что другого выхода не было, потому что короткие волосы считаются у цыган уродством, отталкивающим поклонников.

А Миклош на свою дочь Сару может посмотреть только на видеозаписях, где она играет на цимбалах в ансамбле с отцом и братом. Прошлой зимой, когда ей было 18, готовились концерты, очередная пластинка, — а девушка прямо перед экзаменами на аттестат зрелости неожиданно пропала. Когда Миклошу позвонили, что девушка в Поморье, у какого-то цыгана, он чуть дом не развалил. Только через несколько недель Сара приехала показать мужа. У Миклоша кошки на сердце скребут: могла ведь прийти, рассказать. Обидно, что всё сделалось за его спиной. Вот, ей-богу, благословил бы дочку. Но, похоже, обманывает себя, потому что, приди дочь сказать, что уходит, он бы эти цимбалы, на которых она так виртуозно играет, расколол о ее голову. Да пропади они пропадом, эти похищения. Вот работала у них девушка в фонде, научили читать-писать, нормально жить, но тоже украл ее какой-то цыган — и пропала. Пшибыляк из магистрата опять лишь руками разводит: в самом деле, девушки из школ исчезают, потому что, когда становятся привлекательными, семьи обуревают страх, что кто-то дочь похитит.

За баранкой юбку подберет

Если цыганка все же окончит школу, то, с согласия мужа, может поискать работу. «Чего только мы не делаем, — говорит Миллер, шеф познанского объединения «Польские ромы», — чтобы устроить наших людей». Все равно, мужчин ли, женщин. Один раз Миллер нашел через газету хорошую работу. Позвонил

— да, есть место. Ну, отправил туда молодого рома, тот сразу возвращается: сказали, работы нет. Миллер опять за телефон. Снова слышит: есть место. Потому что, когда показал там парень свою цыганскую физиономию, о работе мог забыть. А женщины? Для Миллера нет проблем. Если женщина хочет работать — пожалуйста. «Но только там, где может носить длинную юбку. У нас это обязательно», — говорит Миллер. Спрашиваю: «А где нельзя? За рулем, например, небезопасно». — «Почему же. Год назад мы устроили курсы вождения. Одна из наших женщин сдала на права, и мы подыскиваем для нее место курьера. Может под юбку надеть брюки, а за баранкой юбку подберет».

Кристина Гиль, цыганка, шеф объединения «Женщины-рома», согласна, что есть профессиональная дискриминация. С цыганским лицом в большинство фирм нечего и соваться, но если и будет работа, то самая плохая, хуже всего оплачиваемая. А цыган, например, на мусоровозе ездить не будет, потому что мусор — это «грязное», анафема, это отлучение. А с женщинами? Кристина Гиль говорит, что сама не знает, хотят ли они и в самом деле работать. У нее был кооператив портних. Не прошло и нескольких недель, как три женщины уволились: больны, мол. А перед этим обещали, что начнут сами о себе заботиться, что вырвутся из дома.

Гены у нас не смешиваются

Габриэла работает в мамином фонде, учит пению, игре на инструментах. Ей 27 лет. Образование, с учетом цыганского происхождения, сказочное: средняя музыкальная школа, консерватория, аспирантура по педагогике. Открытая, интеллигентная, время от времени вступает в разговор. Может сказать о романипе такое, что мать покраснеет, или о молодых цыганках, с которыми в этом патриархате не считаются. Марковской досадно: о ее дочери говорят, что дурочка, что растранижила время на всякую учебу. А когда стала носить очки (понятно: ослепла от своих книжек), — еще и калека. Для многих ромов, говорит Анна, слабое зрение — это порок, который бросает тень на всю семью. У Анны среди ромов есть знакомая, уже пожилая женщина, она прекрасно рисует, но зрение у нее настолько слабое, что, если бы сходила к окулисту, получила бы инвалидность. Однако старушка ни за что не станет носить очки, потому что это опозорит ее перед окружением. Но в семье и так к ней плохо относятся, потому что она всё время на что-то натывается, ходит, как крот. И теряет зрение окончательно.

Марек Миллер объясняет мне, откуда эта проблема с очками. Раньше ромы, выбирая жену, искали в ней изъяны, как при покупке машины. Если носила очки, отворачивались: зачем такая, которая не видит. Но Миллер удивлен, что такое сохраняется по сей день; в его семье женщины пользуются очками без смущения. А изъянами, говорит Анна, ромы часто сами себя награждают. Это следствие близкородственных браков, традиция которых пошла еще от таборной жизни, когда старейшины следили, чтобы при поездках по свету не примешивалась чужая кровь. Жили и размножались внутри своих замкнутых семейств. Миллер добавляет, что, если какой-либо род считался знатным, то в нем тем более заботились о чистоте крови, но сегодня кровосмесительные браки, даже между кузенами, — редкость. «А браки с гаджо?» — «Ну, здесь иначе», — говорит Миллер. У польских ромов в Познани связь женщины не с цыганом запрещена, потому что так 20 лет назад решил их король, когда пришел к выводу, что цыгане слишком перемешаны с поляками. А это, как он полагал, грозило исчезновением культурного облика.

Традиционная жизнь 13-летней матери

Кровосмешение, однако, на свет не всплывает, потому что, как говорит Анна, никому в голову не придет сообщить об этом в полицию. Так же, как и о связях с 13-14-летками. Потому что это тоже традиция. Гося, которая привела к Миклошу трех дочек на урок танца, добавляет, что никто не узнает в городе о малолетке, родившей ребенка, потому что она рождает дома, а будут роды трудные, то в больницу ее отправят без документов. А если надо записать в документах мать ребенка, то запишут мать, но той самой несовершеннолетней мамы.

— Я считаю, — говорит на это Миклош, — что 13 лет — это ребенок. И если ребенок рождает ребенка, это ненормально. Моя мать получила мужа в 13 лет, я принимаю это, но никогда не соглашусь на такое в своем доме.

А Гося и Аня согласно кивают, не продолжая уже этот сюжет. Тогда Миклош, сжевав стручок острой паприки, сам развивает тему. Здесь, говорит он, нужно действовать с разбором. А что, отправить в тюрьму 14-летнего парня, который сделал ребенка 12-летней девочке? Ребенка зачали в любви, продолжает Миклош, а старшие это принимают и гарантируют воспитание, и за всем этим — многовековая традиция. А что сделать? Парня в тюрьму, а ребенка — в приемную семью? Это была бы трагедия для всех.

И женщины снова согласно кивают.

— Но такие связи, — говорит Анна, — уже редкость. Женщины всё более сознательны, особенно в городе, и беременеют всё более взрослыми. Обращаются даже к врачам, сам знаешь каким...

Врач для ромов всегда был «грязным», по сей день многие врачу руки не подадут. Когда Миклош выходит из-за стола, Анна говорит, что не хотела при нем произносить слово «гинеколог». Многие цыгане делаю вид, что такого врача не бывает, даже если жена должна к нему пойти. Гинеколог — это грязь из грязи и пятно на мужской чести. Ну, если девушка не должна ходить на физкультуру, то что тут о гинекологе говорить. Я не могу удержаться и нагло спрашиваю у Миклоша, когда он возвращается, ходят ли женщины к гинекологу с согласия мужей. Анна окаменеваает. А Миклош спокойно отвечает: да, конечно, он не видит проблемы, если женщина заботится о здоровье. Глупо, если женщина о себе не думает, и еще глупее муж, если смотрит, как жена болеет и не позаботится о себе. Когда Миклош опять выходит, я извиняюсь перед Анной за свой эксперимент. «Ладно-ладно, — отвечает она, — может, я сама слишком уж осторожная».

Три дня без зрения

— Привет! Привет! — Миклош встречает в прихожей новых гостей.

Петр, лет шестидесяти, привел трех дочерей. И мрачновато велит, чтобы девочки плясали, а не пели, пусть даже на коленях умоляют, что хотят быть знаменитыми певицами. Дочери, черные как вороново крыло подростки, высокие, в длинных сапожках, исчезают в студии звукозаписи, а Петр спрашивает, чем может помочь, а если речь о женщинах, то точно поможет, потому что женскую натуру за свою жизни успел изучить и не видит причин, чтобы все эти хитрости остались лишь его тайной. Петр открыт современности, все его дочери и внуки ходили в школу. Одна дочь даже замужем за гаджо, и никто его в отсталости не упрекнет, хотя он не спорит, что с зятем не слишком повезло, не очень зять хорош. А потому что хороший зять не станет бить жену без причины. А какая должна быть причина? Ну, жена может заслужить трепку. А кто это решает? Понятно, что Петр. Ну вот, например, жена вышла из дома надолго с подружками, здесь можно и вложить, потому что семье, то есть Петру, чести не прибавит, что шляется невесть где. «Сам понимаешь», — говорит Петр. Но я не понимаю. А Миллер, когда я его прошу объяснить, смущается, говорит, что сгорел бы со стыда, если бы его жена ходила по улице с синяками. И замечает, что у женщины тоже есть свое оружие

против плохого мужа. В соответствии с романипэ, если она коснется мужа ботинком или юбкой, он будет «грязным», на некоторое время исключенным из общины. И только внутренний суд может снова вернуть ему надлежащий авторитет в семье.

Беседую с Анной один на один. Петр, говорю, считается современным, да? Отдал дочь за гаджо, другие учатся. Но поколотить жену всегда найдет повод. Анна пробует выкарабкаться из этого парадокса. Очень аккуратно, медленно подбирая слова, объясняет. Ромы всегда жили многодетными семьями; чтобы поддерживать порядок, мужья обеспечивали его послушанием, и многие женщины считают, что это правильно, потому что так делалось и в их семьях, и всегда. И Анна рассказывает анекдот. Съезд феминисток. Там и женщина из ромов. Постановили: возвращаются домой и объявляют, что не будут больше заниматься домашней работой. Немка сообщает: через три дня увидела, что муж взялся за кастрюли. Француженка через два дня увидела: муж подметает в доме. Цыганка в первый день ничего не увидела, во второй тоже, на третий стала видеть одним глазом.

Ну и посмеялись! Когда отдышался, спрашиваю: а что же полиция, если такое вот случилось? Никто не сообщит, говорит Анна, потому что всё решает семья или цыганский суд. Только здесь могут решить, что негоже мужчине избивать жену. Анна приводит пример. В Познани женщина из ромов сбежала от мужа, и в самом деле едва могла видеть, искала помощи в своей семье, а муж ее отыскал и избил уже так, что семья ее даже узнать не могла. Я бледнею. «Так что, — заканчивает разговор Анна, — не так все это просто».

Научный консультант — доктор Анита Адамчик,

Институт новейшей политической истории

Познанского университета имени Адама Мицкевича

Ежи Фицовский

ЦЫГАНСКАЯ ДОРОГА

Папуше посвящаю

Убили у них коня вороного
убили у них седую дорогу
вот лежит она
сама себе распутье
распадается в зное
Катились по ней помаленьку
колёса маслятами смазанные
а серьги отвечали
на вопросы солнца
Убили у них коня вороного
убили у них седую дорогу
Вот и продали цыгане
всю музыку из скрипок
на базаре в Велишеве
им было больше
некуда играть
В сбруе собачьего нюха
они ускользают
в даль куда их фортуна
пятым колесом покатилась

Стихотворение посвящено цыганской поэтессе Брониславе Вайс-Папуше (1908–1987), стихи которой переводил Ежи Фицовский.

СЛОВО О ЦЫГАНАХ

Среди этнических групп, веками живущих в Польше, цыгане — элемент наиболее экзотический и интригующий и в то же время менее всего известный и окружению, и исследователям фольклора. Закрытые от внешнего мира племенные и родовые общины цыган культивируют свои традиционные обычаи, живут по своим законам, объясняются на языке, который существует в живой речи и понятен только им самим, — и не посвящают чужих в тайны своего бытия. Их контакты с представителями чуждого им мира сводятся прежде всего к поискам заработка и усилиям, имеющим целью добыть средства к существованию. Эту цыганскую изоляцию и своеобразие охраняют — как бы с двух сторон — их собственное, основанное на опыте, недоверие, а вдобавок неприязнь окружающих, выросшая из предрассудков и реальных опасений, а также... из обычной ксенофобии.

Такое положение складывалось веками. В последние десятилетия, после того как цыганские миграции в Польше прекратились [это произошло в начале 1960-х], тут и там начали сглаживаться контрасты, до определенной степени уменьшая социальную изоляцию бывших кочевников. Изменения заметны, хотя они отнюдь не указывают на перелом, а являют собой лишь первые, неизвестно насколько стойкие и необратимые, симптомы, которые еще не стали повсеместными и часто наталкиваются на сопротивление. Цыганские социальные структуры и управляющие ими законы по-прежнему сохраняются, несмотря на перемены в образе жизни цыган и их оседлое проживание в тех или иных местностях.

Непроницаемость цыганского мира, которую оберегает система табу, запретов, практикуемых его представителями, а также языковой барьер, оказалась более действенной, чем все искушения, которым подвергала польскую этнографию неведомая ей область фольклора. Поэтому относительно немногочисленные польские труды о цыганах в течение почти двухсот лет, с конца XVIII века, ограничивались в основном сбором исторических данных и попытками наблюдать этот народ извне, без глубокого понимания его жизни и обычаев. Более существенные исследования касались иногда цыганского языка (в рамках диалектов оседлых групп и немногочисленных

записей цыганских текстов). Первым, кто заинтересовался цыганами и посвятил им некоторое внимание, был выдающийся историк Тадеуш Чацкий, автор двух небольших сочинений о цыганах и соавтор замечательного «Универсала относительно цыган» 1791 г., обнародованного вскоре после принятия конституции 3 мая. После него сочинения на эту тему публиковали Игнаций Данилович в 1824 г. и Теодор Нарбути в 1830-м. В XX веке, помимо ряда мелких исторических статей, вышедших перед II Мировой войной, были опубликованы работы, в основном языковедческого характера, Изидора Коперницкого (посмертно), Яна Михала Розвадовского, Эдварда Клиха, а после войны — Тадеуша Побожняка, нижеподписавшегося и других.

Только последние исследования попытались проникнуть вглубь, изучить неизвестные прежде области цыганского мира. Первые же шаги привели автора в нетронутые области духовной культуры цыган, а в архивах обнаружилось много неизвестных документов, проливающих свет на прошлое этого народа в Польше. Живые образцы устного творчества можно было изучать, участвуя в цыганской жизни, сопровождая цыганам в их кочевьях, которые продолжались на наших землях еще почти двадцать лет после войны. Таким образом — через участие в повседневной жизни — можно было собирать сведения о еще живых и практикуемых обычаях, передававшихся среди цыган из поколения в поколение.

Их история оставила нам следы только в польских именах собственных, в топонимах да в попытках государственной власти столетия назад изгнать кочевников из пределов страны или — позднее — назначить представителей их аристократии в так называемое Ведомство Цыганского королевства в Польше. Поэтому воспроизвести, хотя бы частично, историю цыган в нашей стране — задача нелегкая. Это лишь набросок официальной, так сказать, истории отношения государства к бродячим пришельцам. Записей их истории не существует, эта история протекала как бы вне времени, на полях существенных событий, и следы ее — нигде не зафиксированные — скрыты забвением. Если бы даже — в отсутствие цыганской письменности — от них осталось что-то в устной традиции, в легенде, там обнаружилось бы мало событий и фактов, лежащих в основе истории. Разве что какие-то имена древних вождей орд, память о великих переселениях из страны в страну. Кроме того цыганское прошлое веками в принципе не отличалось от цыганского настоящего — оно полно все тем же содержанием: зимы, пережитые в холоде, кочевые месяцы лета...

Это особенный народ, продолжающий свое вековое кочевье в центре цивилизованной Европы в эпоху промышленной революции. Не только он забыл о своем прошлом. Сама история словно проглядела его и не дала ответа даже на такой принципиальный вопрос, как: откуда и когда прибыли цыгане, где их прародина? И вот сами цыгане вскоре после появления в чуждых им краях попытались развеять всеобщее неведение сказкой-легендой о своем приходе из Египта. И хотя позднее на помощь истории пришло сравнительное языкознание, чтобы совершенно иначе и наконец бесспорно определить на карте мира колыбель этого народа и пути его великого странствия, в этнониме остался стойкий след египетского предания: взять хотя бы английское название *Gypsies*, испанское — *Gitanos*, французское *Gitanes* — слова с прозрачной этимологией.

Цыганология (то есть всестороннее изучение цыган, обобщающее результаты этнографических, филологических, социологических, исторических и прочих исследований) развилась в Западной Европе в XIX веке, работы в этой области продолжаются, и сегодня с ними уже связаны значительные научные достижения. Однако распыленность цыган и то, что в течение веков формировались специфические разновидности народной культуры в отдельных, территориально различных группах этого народа, привело, например, к тому, что фольклор нагорных и равнинных цыган, живущих в Польше с начала XV и середины XVI века, требует особых исследований и изобилует проявлениями, нигде более не известными или выступающими в несколько иной форме. Никто из зарубежных исследователей не выполнит вместо польских цыганологов их научные обязанности, так как имеет дело с другим объектом изучения. Однако результаты научно-исследовательской работы, естественно, доступны главным образом специалистам и узким кругам интересующихся, тогда как в общественном сознании часто удерживаются избитые и ложные представления о цыганах. Упорно бытуют три разновидности этих представлений: «демоническая», «уголовная» и «опереточная».

«Демоническая» разновидность выросла на почве страха перед «нечистой силой», она видит в цыганах племя колдунов, наделенных сверхъестественными способностями и возбуждающих суеверный страх. «Уголовная» — воспринимает цыганское сообщество как систему организованных групп профессиональных преступников. «Опереточная», слащаво-сентиментальная, — приписывает цыганам черты романтических странников, живущих музыкой и любовью к природе. Обычно мы имеем дело со смесью всех названных

представлений в разных пропорциях, но, как правило, она отмечена полным незнанием истинного лица этого народа.

Тереса Мирга

ПЕСНИ ЧЁРНОЙ ГОРЫ

* * *

Кланяюсь Тебе, скала высокая.
Всё молчишь Ты, как заколдованная.
Над головой Твоей небо святое,
Твои ноги вода омывает.
Лишь Тебе одной всё скажу,
сохрани же тайну мою —
что меня радует, что огорчает,
радости мои да малые печали.
Если б могла Ты слово сказать,
утешить меня, приласкать...
Когда я к Тебе приду,
я спою Тебе новые песни.
А когда умереть придётся,
Ты мне будешь петь свои песни.

* * *

Над рекой лежат
холодные камни
молчаливые изваянья
словно кающиеся души
одни спят в реке
а другие
покоятся на берегу

большие и малые
скалы
всё они видят и слышат
но вынуждены молчать
дождь их тела омывает
солнце греет им души
может быть придёт день
когда камни восстанут
и начнут говорить.

Колыбельная

Чёрная ночь окутала землю,
птиц, деревья ко сну приклонила.
Спите, детки — пела цыганка —
завтра в путь, опять уезжаем.
Чёрные глазки пора зажмурить,
Господу Богу сказать «доброй ночи».
Ну и просить хлеба и здоровья,
ну и просить хлеба и здоровья.
Люли-ляй...
Кто даст вам завтра серебряный грошик?
И усталые глаза заблестели,
дрогнуло сердце,
загрустил ветер, дуть не захотел он.
Ветер скитается с ними по свету,
цыганская душа — тут и там он веет.
Растрогала его песня цыганки,

колыбельную ей на скрипке сыграл он.

Люли-ляй,

завтра мир

превратим мы в рай.

* * *

Как же я там буду,

в тесной той могилке...

Смерть меня поцелует,

мать-земля укроет.

Будет ли кто плакать

да меня жалеть-то?

Всё зло мне припомнят,

совсем пропаду я.

На свете хоть был я,

недолго бродил я,

и меня призвали

в другое быванье.

Я иду узкой тропкой,

пахнут лилии сладко.

В белое меня одели,

аллилуйю петъ велели.

* * *

Разве всегда надо быть мудрым,

здравомыслящим, благоразумным,

так страшно моральным,

так глупо нормальным?

Во мне есть что-то,
что велит идти наперекор.
То, что черно, иногда бело,
то, что глупо, порой умно.
А я всё ищу, как прежде искала,
не просите, чтоб я перестала.
Не вините меня, что я ещё мала
что мне мир интересен, что я, как дитя,
упряма и слишком смела...

* * *

Дорога моя трудная,
дорога моя — цыганская,
пахнет лесом
и дымом,
ветрами продута,
песней пропета,
слезами омыта.

О любви

Пополам яблочко
и сердце пополам —
так делятся влюблённые
хлебом и заботой,
малой тревогой
и радостью великой.
Каждая минута, проведённая вместе, —
как бриллиант, что глаз

к себе манит.

И благодарят они Бога за милость,
что странствуют по небу, точно две звёздочки.

Настоящая любовь,
искренняя, чистая, честная,
не знает ни злости, ни ревности
и никогда не умирает.

* * *

Катится бедная
жизнь людская,
и неизвестно,
где конец ей настанет.

Зачем и на что
эти пустые старанья
насытить тело?
Может, довольно
реке в глаза глянуть,
окунуть в неё — своё тело.

Это к небу, к звёздам
воззвание —
там нам вечное обитание.

* * *

Уселась мысль на плечо мне
и тяжело вздыхала,
устав от людских жалоб.
— Я всего лишь мысль,

главное — не слишком
задумываться, —
говорила мысль. —
Вот бы мне птицей стать,
когда хочу — прилетать,
людям не надоедать:
пусть здраво мыслят —
делят поровну дело и мысли.

Тереса Мирга — цыганская поэтесса и певица, родилась и живет в Чарной Гуре, в пограничной горной области Спиш, на юге Польши. Она родом из цыганского племени, которое с давних пор ведет оседлый образ жизни. В 1992 Мирга основала свой музыкальный ансамбль «Кале бала» («Черные волосы»), много концертирует, выпустила несколько кассет и компакт-дисков. Пишет по-цыгански и по-польски. Как поэтесса дебютировала в 1994 двуязычной книгой «Почему так?». Кроме того издала сборники «Песни Чёрной Горы» (1999) и «Стихи и песни» (2006).

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО В ДОВОЕННОЙ ВАРШАВЕ

— В июле 1932 г. был заключен договор о ненападении между СССР и Польшей. Какое это имело значение для культурных связей двух государств? Как формировались эти связи в течение всего межвоенного двадцатилетия? Насколько ты помнишь это время, которое ты назвал «поучительным эпизодом»?

— Немного истории. Восстания, особенно январское [1863], были горьким и чувствительным уроком. Последствия оказались опасными для национального самосознания. Конфискация имущества земельных магнатов, шляхты, аристократии, принудительное переселение в глубь империи. Ссылки, высылки, Сибирь. Но это одна сторона катастрофы. С другой же стороны, можно вспомнить традиции взаимного притяжения в сфере высокой культуры. От Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова, Горького до композиторов, музыкантов, балета, театра, танца и песни. Русская интеллигенция интересовалась Польшей. В России переводили Сенкевича, Пруса, Жеромского, и они были популярны. Многие выдающиеся профессора из России преподавали в Варшавском университете и Политехническом институте. И *vice versa*. Существовала единая империя, а Польша была губернией, Привисленским краем. Связующим звеном был язык — французский, немецкий, но также и русский. Были польские островки в крупных центрах — Киеве, Москве, Санкт-Петербурге. В этих городах существовали польские театры, польская пресса, были католические костелы.

Но давали о себе знать и глубокие культурные, конфессиональные, цивилизационные различия. Византия *versus* Рим. Эта дихотомия духовно обогащала обе культуры. Не случайно к любимым авторам моего поколения принадлежали Блок, Горький, Толстой, Достоевский, в сатире — Зощенко. Пушкин и Лермонтов были на книжных полках даже в небогатых польских домах. А вспомним захватывающую музыку парижских «Русских сезонов», эпоху «Мира искусства» — ветви европейского модерна. Театр Станиславского, Мейерхольд. Читая «Вядомости литерацке», я мог составить представление об интеллектуальной и общественной жизни

советской России. И история мирового авангарда сразу связывается с Россией — Ларионов, Малевич, Татлин.

— Поддерживались ли контакты между русским, украинским авангардом и польским?

— Связи между авангардом в большевистской России, так называемым Левым фронтом искусств — ЛЕФом, и поэтическим и художническим авангардом в Польше были очень тесными. Я бы сказал — братскими. Футуристы, кубофутуристы, конструктивисты, беспредметный супрематизм Малевича. Близость художественных идей, истоков, художественного языка по обе стороны красного занавеса трактовались как нечто очевидное.

— А цензура вмешивалась в этот обмен?

— Бывали спорадические вмешательства, обычно по политическим причинам. На изобразительное искусство польские цензоры не реагировали слишком остро. Государство принимало модернистские течения. Поэтому существовали художественные объединения и группы, периодические издания, такие как «Блок», «Praesens». Либеральные «Вядомости литерацке» пользовались большим успехом. Происходил обмен фотоматериалами, репродукциями работ, обмен идей и мыслей. Советские художники приезжали в Польшу — польские бывали в СССР нечасто. Редкостью был и обмен выставками. Несмотря на это, «кое-что» всё же входило в сознание творческой интеллигенции.

— Кто тогда был известным?

— Больше всего привлекало творчество Казимира Малевича (поляка, родившегося в Киеве), автора интригующей картины «Черный квадрат». В 1927 г. он побывал в Варшаве по дороге в Берлин. Была выставка в художественном клубе в гостинице «Полония» (кстати, весной 2009 г. в той же гостинице был торжественно открыт зал имени Казимира Малевича). Также и поэт-футурист Маяковский имел много поклонников и последователей. Среди художников-графиков большим признанием пользовались В.Фаворский и А.Кравченко, лауреаты Гран-при парижской международной выставки «Arts D'coratifs» 1925 года.

— Похоже, мы приближаемся к главной теме нашего разговора.

— В самом деле. В искусстве ксилографии возникло единство, даже родство в понимании эстетических и профессиональных задач. В Польше, как и в России, существовала долгая и оригинальная традиция гравюры на дереве. И в обеих странах она породила крупных мастеров. В Польше это профессор Владислав Скочиляс, Станислав Остоя-Хростовский, Тадеуш Кулисевиц. Профессор Зыгмунт Каминский запомнился мне как знаток русской гравюрной культуры. Был огромный интерес к русской иллюстрации для детей — например, к В.Лебедеву (в 60-х годах в Ленинграде я познакомился с ним, он ценил свою популярность у польских малышей). Его иллюстрации печатались в «Пломычке» и «Пломыке».

— Поговорим подробнее о хороших сторонах договора 1932 года.

— Анализируя с высоты исторического опыта этот явно недооцененный пакт, его следует признать свидетельством политической мудрости. Польша, зажата между двумя идеологиями и двумя претензиями, нацеленными на военное столкновение, оказалась перед выбором. Историки, на мой взгляд, должны понять не только дипломатическую стилистику договора, но его отважную стратегию. Ситуация требовала гибкости на уровне великих мудрецов. Народная мудрость подсказывала в таких ситуациях сыграть с точностью шахматиста. Политики сделали свой ход, который принес конкретные ценности обоим народам. Такая «игра» относилась также и к Германии, где демократическая Веймарская республика уступила жестокой силе. Существовавшие до тех пор культурные связи с Германией были полностью заморожены. Остались только визиты высшего ранга военных и политиков. Не помню, чтобы у нас выставлялись нацистские картины или в книжных магазинах было что-то вроде «Майн кампф». Общество в подавляющем большинстве отвергало политику Гитлера. Когда я вижу фотографии тех лет — официальные визиты в столицы, польских дипломатов и генералов, — меня охватывает грусть. Горечь и стыд за Заользье (польское название Тешинской области. — Пер.). Таковы были наши реалии — слабый в военном и экономическом отношении страны. А вот договор с большевистской Россией открыл новые формы для взаимных интересов — выставки, приглашения, визиты. Встречи искусства с искусством. Расширилось пространство терпимости и уважения. Приведу из собственного опыта пример симпатии к польской культуре. Летом 1957 г. я в первый раз приехал в Москву. Я посетил дом и мастерскую Родченко — ведущего участника движения авангарда. Родченко уже умер, меня принимала его жена

Варвара Степанова, прославившаяся в 20-х своими декорациями для театра Мейерхольда.

— Ты и жил там в мастерской?

— Физически нет, но многие годы это был мой второй дом. На одной из полок я нашел номер «Блока» с репродукциями работ русского авангарда — ЛЕФа (Шимон показывает книгу, где опубликована его переписка со Степановой и ее дочерью). Квартира-мастерская была иконосферой конструктивизма в моделях и фотографиях.

— Художественная графика в 30-х годах вызывала в мире интерес в связи с ее образовательной ценностью. Ты говорил, что наши художники знали русскую графику.

— Станковая графика (или художественная) как раз обозначила линию соприкосновения. Это был период расцвета техники ксилографии во всем мире (особенно ценилась поперечная, или торцовая гравюра). Одним из инициаторов и душой сближения был незаурядный человек — Владислав Скочиляс, с которым я познакомился после войны. Он был профессором Академии художеств и председателем Института пропаганды искусства (ИПИ), пользовался авторитетом у художников и у государственных властей. Именно он добился того, чтобы Варшава стала местом проведения Международных триеннале ксилографии.

— Как это произошло?

— Скочиляс подготовил интеллектуальную, идейную почву для сотрудничества в среде варшавской художественной элиты. Будучи практиком-ксилографом, а одновременно и мыслителем, выступавшим в печати по вопросам художественной графики, он усмотрел в этой технике просветительскую миссию в международном масштабе. И в 1932 г. он выступил в ИПИ с публичной лекцией «Графика — искусство демократии». Употребил знаменательные для тогдашнего общественного сознания слова «искусство демократии», что и сегодня можно бы повторить.

— А где находился ИПИ? В какой части города?

— Это был небольшой павильон, возле нынешней гостиницы «Виктория» в Варшаве. В отличие от расположенной неподалеку консервативной галереи «Захента», ИПИ пропагандировал модернистское искусство. Кафе при институте было местом встреч знаменитых художников.

Приглашение участвовать в Триеннале ксилографии было принято в России государственным агентством ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). Либеральная тенденция в политике совпала с искусством.

— Может ли снова искусство стать, как бывало в прошлом, дополнительным аргументом в диалоге политиков?

— В истории Второй Речи Посполитой, с середины 1932 по середину 1934 г., имели место разумные действия политиков.

— Почему ксилография и прикладные искусства могли сыграть интеграционную роль?

— Ксилография по своим средствам и способам бытования далека от мира политики и пропаганды. Оттисками легко обмениваться, это свободное искусство, далекое от манипуляций. В отличие от плаката. Ксилография — островок художественной независимости по обе стороны идеологического занавеса. К концу тридцатых годов она была осознана как феномен искусства в международном масштабе. Об этом свидетельствуют журналы, которые специализировались на станковой графике.

— Ты уже тогда интересовался графикой?

— Я оформлял магазинные витрины, рисовал вывески. Учился. В искусстве меня интересовало то, что тиражируется. Графика — во всех видах — меня притягивала. А гравюры на дереве приносили особую радость — визуально проследить путь резца. Конечно, нужно уметь смотреть. В журнале «Arts et M[?]tiers Graphiques» были представлены мировые достижения в этой области. Ксилография — самая старая техника гравюры, ее расцвет наступил в XIV—XV веках, начавшись с Дюрера. Ее признали искусством, достойным музеев, публичных и частных собраний. В тридцатые годы была мода на авторские оттиски. Интерес вызывала и русская графика. А русские интересовались польской культурой и поэзией. Власть же поглядывала с подозрением. Двухстороннее притяжение было животворно для кровообращения, обмена ценностями накануне перемен, которые принес советско-польский пакт о ненападении. Он означал: мы не будем нападать, не будем вас считать врагами.

— Расскажи о роли советского посольства в тогдашней Варшаве.

— Посольство размещалось на Львовской улице, в здании стиля модерн. Психология личности утверждает, что выдающиеся индивидуумы, с горизонтами, движут мир или наносят человечеству раны. Таким по виду был Антонов-Овсеенко. Посол-интеллектуал, знаток литературы и искусства, прекрасно владеющий польским языком. У него была библиотека, которая притягивала писателей, поэтов и художников. В воспоминаниях Александра Вата есть описание вечера у посла. Посол одаривал гостей книгами. Альфонс Карный — выдающийся польский скульптор, лысый, с монументальным черепом, — с благодарностью рассказывал о том, как ему подарили альбом. И как возле посольства, которое было под постоянным наблюдением, его задержал агент службы безопасности и приказал показать книгу, которую он нес в руках.

— **Думал, что это нечто пропагандистское?**

— И ошибся. Это был прекрасно изданный альбом керамики из царской коллекции. Антонов-Овсеенко был нужным человеком на нужном месте. Он организовал выставку польского искусства в Москве, с энтузиазмом приглашал художников из России и устраивал их выставки. Потом — жертва сталинского террора, расстрелян.

— **А взаимные контакты? Что ты о них знаешь?**

— Большой список. Стшеминский, Дашевский, Остоя-Хростовский, Хиллер, Скочиляс — все они хорошо знали русское искусство. Одним из первых, кто получил согласие польских властей на более-менее долгую поездку, был сценограф Владислав Дашевский. Он посетил Москву и Ленинград. Тогда познакомился и с Фаворским, его иллюстрациями и гравюрами. По возвращении прочел доклад в Академии художеств о художественной жизни в России. Были и личные контакты — поездки польских художников, и сотрудничество между ИПИ и ВОКСом. Вышел специальный номер «Вядомостей литератцких» с переводами русской прозы и поэзии.

— **В свои шестнадцать лет, в 1933 г., ты уже много читал?**

— Я много времени проводил в Публичной библиотеке на Кошиковой улице. Бывал в кино — в 1933-м на экранах шло десять фильмов, в том числе «Путевка в жизнь». «Броненосец «Потемкин»» Эйзенштейна цензура не допустила в прокат, но я посмотрел «Бурю над Азией» — сильное впечатление. В театрах ставили «Мистерию-буфф» Маяковского, пьесы Файко,

Толстого, Катаева. В театре «Атенеум» с полным аншлагом шел спектакль «Рычи, Китай» по пьесе Третьякова (жертвы сталинского террора, я дружил с его вдовой Ольгой).

— В постановке Леона Шиллера, со сценографией Анджея Пронашко. Ты видел этот знаменитый спектакль?

— Да, я был на нем. В зале преимущественно молодежь. Едкую рецензию написал Антоний Слонимский. Всё это формировало мои художественные и философские взгляды.

— Какие конкретно художественные события были результатом договора о ненападении?

— Назову главные. Прошла выставка польского искусства в Москве и советского – в Варшаве. Выставка польского искусства в Москве в декабре 1933 г. широко освещалась. Приехали видные люди — официальная делегация польских художников: Дашевский, Прушковский, Скочиляс, Дуниковский. Их сопровождали Былина, Бартоломейчик, Теляковская. Сохранилась фотография — на первом плане элита польских и русских художников. На открытии были послы Станислав Патек и Антонов-Овсеенко. Прошел концерт польской музыки. Играла Брандовская-Турская. Это серьезное событие отмечала пресса.

— А выставки русского искусства в Польше? Скочиляс как председатель ИПИ организовал показы графики, приглашал русских графиков. Как тебе запомнилась выставка в ИПИ в 1933 году? Какие были впечатления?

— В марте 1933 г. — выставка русской и украинской прикладной графики в ИПИ. Я в первый раз видел то, что делалось в книжной иллюстрации, плакате, рекламе. Выставку посетило около 18 тыс. человек, среди них много рабочих. Но я был разочарован.

— Потому что художники авангарда были уже под запретом?

— Да, поэтому. Не было Малевича, Лисицкого, Родченко, Степановой, Поповой. Социалистический реализм стал единственным художественным языком, признаваемым властью. Но выставка вызвала интерес молодежи. Было немало ценных работ. Замечательная экспозиция иллюстрации — Дейнека, Лебедев, Брато, очень хорошие работы с Украины — Петрицкий, Налепинская-Бойчук.

— А открытию выставки тоже придавалось политическое значение?

— Я не был на вернисаже. Но вот уникальные фотографии, они говорят сами за себя. Посол Антонов-Овсеенко перерезает ленточку, много известных людей из мира культуры. Каждое имя — очень значительное.

— **Наконец, Международная выставка ксилографии в ИПИ. Как она запомнилась?**

— Да, это следующее художественное событие — Международная выставка ксилографии осенью 1933 г., с участием 23 стран. ВОКС принял приглашение участвовать. В жюри вошел Кравченко. Сложилась атмосфера взаимной симпатии. И сама выставка обрела высокий ранг, и серьезным был вклад русских и украинских художников. Они получили значительную часть наград (13 из общего числа 18). Скочиляс назвал Кравченко романтиком — тот иллюстрировал, например, Гоголя и Диккенса. И выразил уверенность, что польская, русская и украинская графика определили направление поисков 30-х годов и оказали влияние на современное состояние ксилографии в Европе. Я, совсем тогда юнец, запомнил гравюру Кравченко — портрет Достоевского. И сегодня могу вспомнить классическую композицию и ход штриха.

— **Как развивались художественные связи после 1934 года?**

— В польской политике произошел поворот, контакты свелись до минимума.

— **Последний вопрос. В стороне от главной темы, зато актуальный. Я знаю, что ты был канониром в зенитной артиллерии, участвовал в сентябрьской кампании 1939 года. Ты бы не поделился своими рассуждениями?**

— Да, я артиллерист зенитной батареи, участвовал в сентябрьской кампании. Но вспомню учения за несколько месяцев до начала войны. Варшава, берег Вислы. Я на посту на вышке как воздушный наблюдатель. Учусь распознавать силуэты самолетов. В руках важная инструкция: немецкие самолеты — неприятельские, дать сигнал к бою. Военные самолеты Франции и Великобритании — союзнические, не стрелять. А советские военные самолеты инструкция определяла как не-неприятельские.

Я свидетель того, как по-разному складывались отношения между Польшей и Россией, меняясь едва ли не каждый день.

Беседу вела Доминика Пеплонская

конец августа 2009, Варшава

*

Шимон Бойко (род. в 1917 в Варшаве) — критик, историк искусства и дизайна, выпускник Варшавского университета. Автор многих публикаций, посвященных современному искусству, промышленной графике и дизайну. В 1969–1974 член редакции журнала «Проект». Постоянный корреспондент зарубежных журналов, в том числе «Graphic Design», «Art and Artists», сотрудник ЮНЕСКО.

Автор ряда книг, в том числе «Польское искусство плаката» (1972), «New Graphic Design in Revolutionary Russia» (1972), «Polish Roots. American Artists of Polish Descent and Poles in American Art» (CD-ROM, 2001).

Преподаватель многих польских и зарубежных художественных учебных заведений.

Исследует историю искусства авангарда в России, опубликовал по этой теме ряд очерков, статей, воспоминаний (с 1956 по 1980-е гг.).

В числе последних работ — доклад и перформанс на Международном симпозиуме по русскому авангарду в Мадриде (2006); перформанс на ретроспективе фильмов Параджанова в рамках фестиваля «Новые горизонты» (Вроцлав, 2006); сценарий и постановка в Варшаве моноспектакля о жизни Казимира Малевича «Выйдемте в необъятный простор» (2002).

В настоящее время работает над сценарием зрелищного действия «Встретились однажды Шагал и Малевич», основанном на пребывании и работе обоих художников в Витебске в 1919–1920 гг.

КОЛЛЕКЦИОНЕР КОЛЮЧЕК

Злые языки говорят о нем: ксендз Войцех Леманский, главный еврей Варшавско-Правжской епархии. Его это даже как-то перестало трогать. Уже 10 лет он участвует в иудео-христианском диалоге. Каждый год в годовщину убийства ездит в Едвабне. За этот диалог два года назад он получил от президента Леха Качинского кавалерский крест ордена Возрождения Польши. Но порою он не выдерживает — например, когда какой-нибудь коллега-священник спросит, обрезан ли он.

Когда ксендз Леманский пожаловался канцлеру курии, тот посоветовал ему отвести такого в кусты и сказать: «Давай проверим». Он остолбенел — это не его уровень. Разговор был в июне. Канцлер привез ему тогда распоряжение епископа о переводе в другой приход. Из Ясеницы возле Тлуца (три тысячи верующих) — в Кицин (шестьсот душ). «Я услышал, что слишком далеко зашел в диалоге с евреями», — говорит ксендз.

Хотя официальные поводы были другими. Епископ лично изложил их ксендзу Леманскому. В соответствии с каноническим правом, если епископ хочет перевести приходского священника, он должен сначала переговорить с ним. «Архиепископ Генрик Хосер принял меня радушно. С неба лился зной. Он предложил мороженое, пончики, кофе и воду. А потом вынул письмо по моему делу, написанное деканом из Тлуца».

В письме содержались обвинения. Ксендз Леманский якобы разбивает единство священников, так как не хочет садиться за стол вместе с другими ксендзами, когда те организуют застольные встречи. Во-вторых, в смешанном обществе он вначале здоровается с мирянами и лишь затем — с духовными особами. И, в-третьих, без всякой на то нужды помогает ксендзу, запутавшемуся в такой болезни, как алкоголизм, и даже дружит с ним. В пастырском «личном деле» ксендза Леманского (в курии таковое заведено на каждое духовное лицо) лежало еще и второе письмо. Другой ксендз уведомлял: в помещениях своего прихода в Ясенице священник держит опасную литературу.

От волнения у него пересохло в горле. Глотнул немного воды и вздохнул с облегчением: это всё правда! Он помогает ксендзу,

который сейчас на пенсии и не справляется с ситуацией, но ведь такое, пожалуй, следовало бы оценить, а не клеймить. К зиме он утеплил тому дом, временами просит его помочь в служении у себя в приходе. Да, он признаёт, что на встречах в смешанных, духовно-мирских компаниях первым делом здоровается с женщинами, считая, что так требует культура. А среди священнослужителей всё еще господствует иерархическая точка зрения, что духовные лица в чём-то важнее прочих, что им полагается большее внимание. Если говорить о совместных застольях, тут он тоже признаётся, что не любит этого. Не отмечает ни именин, ни дня рождения — они его сковывают. На официальных встречах он, естественно, бывает, но от приглашений к столу отказывается. А опасная литература — это, наверно, книги еврейской тематики.

— Я думал, епископ сейчас скажет: забудем обо всем, это какие-то шутки, поговорим о серьезных делах. А он говорит: «Ну я вас перевожу». Ни слова не было про то, что дело в этом самом диалоге. И не могло быть. Когда архиепископ Хосер стал епархиальным епископом, он по моей просьбе дал мне благословение на участие в иудео-христианском диалоге. Немного призадумался, но благословил. А благословения не отменишь. Поэтому они искали на меня что-нибудь другое...

У него с самого начала возникали проблемы в связи с вовлеченностью в еврейские дела. Предшествующий епископ, Славой Лешек Глудзь, давая ему соизволение на деятельность, предупредил: «Не рассчитывай получить в этом поддержку духовенства». — Но ведь сам Иоанн Павел II участвовал в таком диалоге и подчеркивал, насколько он важен, — удивился ксендз Леманский. «Папа может говорить что хочет. Это высшая дипломатия, а мы здесь, внизу, не должны путаться с евреями, а должны заниматься своими делами», — слышал он от других священников.

Если говорить о «своих делах», то прихожане из Ясеницы дают своему настоятелю самую лучшую характеристику. Вальдемар Бжезинский из приходского совета перечисляет, сколько хорошего сделал ксендз за четыре года. В костеле появились витражи, освещение, во дворе тротуар. Он выступил инициатором создания детского сада в деревне. В приходском доме ксендз устроил читальню для детей, основал исторический клуб, есть прислужники, помощницы, проводятся диспуты. «У него мудрые проповеди, иногда я думаю, что ему мал такой скромный приход. Есть смысл, чтобы его слышало больше людей», — говорит Бжезинский. Прихожане ездили к ксендзу-декану в Тлуц и в курию,

заступались за своего священника. И слышали, что это дело — между самим ксендзом Леманским и епископом.

У него в кабинете в приходском доме действительно довольно много книг, в том числе и о евреях. Этот высокий 50-летний человек в сутане и сандалиях еще десять лет назад знал о них совсем мало. Воспитывался он в патриотической семье, отец был в «Серых шеренгах». Войцех знал историю: Катынь, Варшавское восстание, Монте-Кассино. О евреях в доме не говорили. Окончив школу, он сказал родителям, что хочет идти в семинарию. Шесть лет учился и жил в Варшаве. Но признаётся, что не знал даже того, где в период войны находилось гетто.

Во время польского паломничества Иоанна Павла II в 1979 г. он был в добровольной охране порядка на Театральной площади. И когда услышал, что его святейшество отправился в Освенцим, у него сразу возникла ассоциация: вероятно, это в связи с о. Максимилианом Кольбе. «В отчете о поездке говорилось, что Папа надолго остановился у мемориальной доски с еврейской надписью. Я спрашивал самого себя: в чём дело, почему? И не мог понять. Таковы были мои познания», — говорит он теперь.

После семинарии он три года был викарием, потом поехал на пастырское служение в Белоруссию, в польский приход в Свири. Тогда же впервые в его сознание проникли евреи. Явились они вечером, внезапно, когда ксендз, как обычно, читал молитву «Величит душа Моя Господа...». Окончание в ней такое: «Воспринял Израиля, отрока Своего, вспомянув милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века».

— У меня возникло такое чувство, словно кто-то уколол меня булавкой: в этом месте остановись! Порою случается так, что читаешь о чем-нибудь, и вдруг какая-то фраза западает в память. Я верю в божественное вмешательство.

Таким вот образом евреи на протяжении нескольких лет и приходили к нему во время вечерней молитвы. Он еще не знал, с чем это связать.

Потом ксендз Леманский обнаружил в окрестностях разоренное еврейское кладбище. В Польше он зашел в Фонд семьи Ниссенбаумов: может быть, они заинтересуются, было бы хорошо восстановить место упокоения. Там на него посмотрели с изумлением. Католический ксендз — и такое говорит. Не провокация ли? Даже ничего не записали. Когда он вернулся из Белоруссии насовсем, то осознал, что Польша —

огромное еврейское кладбище. И почувствовал: это, пожалуй, и есть связующее звено с молитвой.

— В семинарии один преподаватель повторял нам: «Ты, может, растяпа или не особенно способный, ты, может, лишен красноречия, но раз ты здесь, ибо ощущаешь свое призвание, то уж Господь Бог найдет в епархии такую дыру, чтобы ты туда как раз подошел».

Ксендз Леманский попал в приход в Отвоцке. Как раз тогда в СМИ грянуло дело о Едвабном.

— Я начал говорить об этом как о вине, в которой нужно уметь признаться. Каждый из нас чего-то стыдится, не хочет к чему-то возвращаться. Но этому надо противиться. По сей день я задумываюсь: а как бы я вел себя тогда, если б был ксендзом во время погрома. Выступил бы против зла или молчал бы? И до сих пор не знаю. Но важно задавать себе такие вопросы.

Он соорудил в своем костеле Гроб Господень — на пепелище овина лежала фигура Христа. Под дароносицей — надпись: «Простите». Ксендз Леманский был убежден, что таких гробов в Польше будет значительно больше. Это представлялось ему очевидным. Спустя какое-то время к нему пришла женщина с вопросом, он ли тот ксендз, который говорил про Едвабне. И передала ему еврейское блюдо, используемое в пасхальной трапезе.

— Я не спрашивал, откуда оно у нее, — рассказывает ксендз. — Люди носят в себе колючки, от которых им больно, дела, которых стыдятся. Через несколько лет я узнал о колючках в Ясенице. Во время войны через эту деревню проезжали поезда на Треблинку. Люди помнят, кто привел к себе во двор евреев, выскочивших из эшелона. Хозяин поехал в Тлуц за немцами. Всех беглецов перестреляли, их останки и сегодня лежат под землей в том дворе.

В 2001 г. он поехал на мемориальную церемонию в Едвабне. Перед отъездом его навестил старый ксендз, живший в Отвоцке. Как и мать Леманского, он родился в Бохне. «Войтек, сынок, не делай этого, это еврейский заговор, все епископы бойкотируют мероприятия», — услышал ксендз Леманский.

— Я не спал всю ночь, — вспоминает он. — Седенький, преданный Церкви священнослужитель. Тогда я уже знал, что в Бохне тоже было гетто и евреев вывезли в Белжец. У меня в голове не укладывалось, что можно быть родом из Бохни и так себя вести. Но когда я поехал в Едвабне и действительно не

встретил там ни единого католического иерарха, то понял, что меня ждет нелегкая дорога.

В прошлом году в Варшаве проходили Дни иудаизма, инициатором которых много лет назад выступил епископат. Ксендза Леманского пригласили в оргкомитет. Он предложил отвести учащихся семинарии на Умшлагплац в Варшаве, чтобы они прочитали там молитву. Когда-то такую молитву произнес в этом месте Иоанн Павел II.

— Семинаристы хоть узнали бы, что в Варшаве есть Умшлагплац. И что там молился польский Папа. Мне ответили коротко: мы не можем принуждать семинаристов. И на следующую встречу меня уже не пригласили, — говорит ксендз Леманский.

Вскоре после того, как он принял приход в Ясенице, он в частном разговоре услышал от ксендза-декана: «Мне известны способы, как устранить из прихода нежелательного священника». Его это поразило, но допытываться он не стал. Занимался своим делом. И после епископской инспекции получил сплошные похвалы. Потом начались проблемы.

На следующую инспекцию приехала куриальная комиссия из четырех человек. В заключительных выводах и предложениях она распорядилась «демонтировать Престол Слова — деревянную полку, напоминающую свиток Торы. Недопустимо уподоблять католический храм синагоге». Ксендз Леманский апеллировал к епископу. Напомнил, что самому епископу во время предыдущей инспекции это не помешало. Да и похожий свиток лежит в Нюрнбергском соборе и никого не тревожит. А Нюрнберг принадлежит к епархии, которую некогда возглавлял Йозеф Ратцингер, нынешний Папа Римский. Поэтому ксендз обещал, что демонтирует полку, когда получит окончательное решение в письменном виде. Ждет по сей день.

Ксендз Леманский признаёт, что ему довелось как-то написать епископу свои замечания по поводу деятельности декана из Тлуца. Это случилось после того, как пастыри их деканата выбирали своего духовника. Большинство высказывалось в пользу одного из священников, испытывавшего проблемы с выпивкой. Выбрали его почти единогласно.

— На мой взгляд, это было, словно ему в трудной ситуации протянули руку. Через два месяца мы узнали, что наш духовник — кто-то совсем другой. Я написал епископу, что такое действие разбивает наше сообщество.

Декан Владислав Трояновский не хочет комментировать дело ксендза Леманского: «Не вижу проблемы. Это внутреннее дело Церкви». Так же ведет себя и Войцех Липка, канцлер Варшавско-Правжской курии. Он лишь сказал: приходского священника Войцеха Леманского отозвали не из-за того, что тот «слишком далеко зашел в иудео-христианском диалоге». Збигнев Носовский, главный редактор журнала «Вензь», хорошо знает приходского священника из Ясеницы. И считает его фигурой образцовой, причем во многих аспектах: пастырского усердия, личной глубокой веры, которой он делится с прихожанами, хозяйственности и личной скромности.

— В Польше дела обстоят так, что если ксендз к примеру, страстно увлечен мотоциклами или коллекционирует детские железные дороги, это не возбуждает разногласий. Но, если его страсть — иудео-христианский диалог, это может показаться странным и опасным. Я знаю, однако, что в этом смысле ксендз Леманский в точности следует учению Церкви. Много раз я видел его в качестве посла Церкви и польского духа — хотя бы на встречах еврейской молодежи со всего мира, — говорит Збигнев Носовский.

Ксендз Леманский в соответствии с каноническим правом подал в апостольскую столицу апелляцию на распоряжение о своем переводе. Он рассчитывает на то, что с высоты Ватикана увидят, кто в Варшавско-Правжской епархии носит в себе колючки и какие.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В нынешнем году лауреатом литературной премии «Нике» стал Тадеуш Слободзянек за пьесу «Наш класс». Торжественное вручение этой, по-прежнему самой важной литературной премии прошло 3 октября в библиотеке Варшавского университета. «Наш класс» — это драма, основанная на истории Едвабне, история десяти учеников одного класса, поляков и евреев, прослеженная с 1925 года до наших дней. Потрясающий рассказ о сложных польско-еврейских отношениях в XX веке.

— Я хочу особо подчеркнуть, — сказала председатель жюри профессор Гражина Борковская, — что мы награждаем Тадеуша Слободзянека не за смелость обращения к трудной теме, когда в преступление вовлечены те, кто его исполнил, и те, кто был свидетелем, кто видел и молчал, и те, кто не хотел видеть, знать и помнить. Мы награждаем автора за то, как он об этом говорит, за форму драмы, которая потрясающе просто, а одновременно удивительно искусно рисует историю палачей и жертв, убийц и убитых.

Роман Павловский написал в «Газете выборчей»: «Слободзянек ставит вопросы об истоках антисемитизма и о праве на моральную оценку участников тех событий. Здесь нет деления на черное и белое и простых выводов. Пьеса показывает всю сложность истории Восточной Польши в XX веке, по которой прокатились два тоталитарных режима — советский и нацистский. Герои, вовлеченные в исторические события, не сумели им противостоять — и попали в заколдованный круг мести и ненависти».

По мнению другого критика, Томаша Милковского, «написана главная польская драма первого десятилетия XXI века».

За 14-летнюю историю «Нике» премия впервые присуждена драматическому произведению.

«Нике» читателей «Газеты выборчей» получила Магдалена Гроховская за книгу «Ежи Гедройц. В Польшу из сна».

Жюри под председательством Натальи Горбаневской назвало семь финалистов литературной премии Центральной Европы «Ангелус». Шансы на победу имеют четыре поляка: Войцех

Альбинский за «Achtung! Banditen!» — картину войны глазами ребенка; Яцек Дукай за «Воронец» — сказку о военном положении; Збигнев Крушинский за роман «Последний рапорт» — донос двойного агента на самого себя; Антоний Либера за «Годо и его тень» — историю собственного восхищения произведением Беккета. В числе финалистов — живущий в Нью-Йорке румынский писатель Норман Маня за «Возвращение хулигана» — повесть об истории Румынии в XX веке, а также живущий в Румынии и пишущий по-немецки евангелический пастор Эгинальд Шлаттнер за «Рояль в тумане» — роман о послевоенной Трансильвании. И венгр Дьёрдь Шпиро за «Мессий» — роман об Адаме Мицкевиче и секте товианцев. Лауреата пятого «Ангелуса» мы узнаем 4 декабря.

В посольстве Швейцарии в Варшаве 9 октября была вручена премия Костельских, которую называют «польской Нобелевской премией для писателей до сорока». Она присуждается с 1962 г. женевским Фондом Костельских писателям, не достигшим 40 лет. В этом году лауреатом стал Мартин Курек за поэму «Олеандр», изданную «Зешитами литерацкими». В решении жюри отмечено: «Это многослойное, стилистически богатое произведение затрагивает в единой вспышке памяти, в метафизической перспективе много тем: дружбу, путешествия, моменты радости жизни. Все это написано экономным, точным современным стилем, полным обращений к великим духам литературы». «Олеандр», как написал в аннотации к вручению премии Томаш Ружицкий, — это «драма об отравлении, добавим, прекрасном отравлении. Культурой, литературой, средиземноморским пейзажем, мифом и действительностью, Польшей, наконец. Это достойное и страшное, иногда гротескное явление».

Мартин Курек (1970 г.р.), по специальности иберист и переводчик, занимает должность адъюнкта в Институте романской филологии Вроцлавского университета.

Литературная премия Варшавы за творчество в целом присуждена в номинации «Варшавский творец» Мареку Новаковскому. «Она принадлежит мне по праву», — сказал писатель, принимая премию в Королевском замке. Это верно. По праву. И не только за три тома варшавских «Зарисовок».

Премия имени Беаты Павляк, писательницы и журналистки, которая погибла при террористическом акте на индонезийском острове Бали 12 октября 2002 г., получил Марек Кенскравец, автор книги «Четвертый пожар Тегерана». Премия

присуждается с 2003 г. за текст на тему иных культур, религий и цивилизаций.

Сейм Польши постановил объявить 2011 год Годом Чеслава Милоша в связи со столетием со дня рождения поэта. За принятие такого решения проголосовали все депутатские фракции, в том числе Пис, несмотря на то что связанная с радио «Мария» группа депутатов от этой партии горячо протестовала, указывая на «антипольские акценты» в творчестве польского нобелевского лауреата.

Столетие автора «Поэтического трактата» занесено в календарь годовщин, отмечаемых ЮНЕСКО. Год Милоша будет отмечаться преимущественно в Польше и Литве, но также и в США, России, Франции, Китае, Индии, Израиле и других странах.

Иностранец стал директором Центра современного искусства «Замок Уяздовский» в Варшаве, видной культурной площадки столицы. 22 сентября итальянский куратор и художественный критик Фабио Кавалуччи принял акт об этом назначении из рук министра культуры Богдана Здроевского.

— Мне кажется, что я попал в рай для культуры: я вижу людей, которые спорят о культуре, и политический класс, который стремится культуру поддерживать, — сказал Кавалуччи, принимая назначение.

В свою очередь 12 октября от должности директора Национального музея в Варшаве отказался профессор Петр Пётровский. Свое решение он объяснил тем, что Попечительский совет отклонил представленную им стратегию развития музея.

Острый конфликт работников музея с директором продолжался несколько месяцев и был связан с программной концепцией Пётровского, который, по мнению работников, главное внимание уделял современному искусству, недооценивая старое. Но это не единственный повод. «У него были слишком радикальные замыслы. Он хотел, в частности, объединить несколько отделов в один и уволить большинство реставраторов», — рассказал один из реставраторов музея на страницах «Жечпосполитой». Министр культуры Богдан Здроевский принял отставку Пётровского. Кто станет новым директором, пока неизвестно.

«Искусство “незамеченных” художниц» — так называется выставка, которую можно посмотреть с 14 октября во Дворце Хербста в Лодзи. Показано 40 женских портретов, написанных

на рубеже XIX–XX вв. польскими художницами, такими как Ольга Бознанская, Анеля Пайонк, Мария Дуленбянка, Ханна Рудская–Цибис и многими другими, менее известными.

Как пишут организаторы выставки, «этот проект вдохновлен феминистической мыслью об искусстве, которое связано с доминированием творчества мужчин в общей картине искусства, в особенности старого, и с отсутствием женщин. Мы показываем искусство женщин как материал для любых, не только гендерно ориентированных исследований. Показываем художниц, жизнь которых совпала по времени с феминистической революцией и чье творчество, профессиональная активность, получение образования носили черты героизма. Показываем художниц, которые остались незамеченными». Мы заметим! Выставка будет открыта до 16 января 2011.

В краковском Музее японского искусства и техники «Манга» 19 октября открылась выставка «Натюрморт с японской куклой». Она свидетельствует о непрерывно продолжающемся с конца XIX века восхищении культурой и эстетикой Японии. Это восхищение проявилось, в частности, в любви к японским безделушкам, среди которых королевой была одетая в цветистое кимоно фарфоровая кукла. Заинтересованность японской куклой очевидно прослеживается в творчестве многих крупных польских художников, таких как Ольга Бознанская, Юзеф Панкевич, Альфонс Карпинский, Юзеф Мехоффер, Леон Вычулковский. Их работы с японскими мотивами можно посмотреть до 9 января 2011.

Очередная экранизация польской классики, причем из школьной программы: в октябре в прокат вышел фильм «Девичьи обеты» по комедии Александра Фредро в постановке Филиппа Байона. «Байон попытался отыскать в старом тексте новые смыслы, — пишет на портале www.culture.pl Конрад Зарембский. — Его «Девичьи обеты» — это эффектное зрелище, развивающееся в темпе легкого поэтического слога Фредро, но одновременно удачно вписывающее современные значения в устоявшуюся концепцию театрального решения. Режиссер обращается также к другим произведениям Фредро, в том числе к его эротической поэзии, десятилетиями считавшейся непристойной и недостойной мастера национальной комедии».

— Мы привыкли смотреть на «Девичьи обеты» как на повествование с эротическим фоном, демонстрируемым на сцене эротизмом в салонной условности, как на апологию любви, — сказал режиссер в интервью portalу culture.pl. —

Если, однако, вчитаться в текст Фредро внимательнее, то наряду с этой, по сути дела банальной эротической игрой можно найти ряд критических замечаний на тему эротической лжи, того, что говорится одно, а подразумевается другое, что эти внешне простые дамско-мужские отношения вообще-то не так просты, что их характеризует определенная двусмысленность, что салонный флирт — в сущности жестокое сражение. Я смотрел на текст Фредро именно с этой стороны, находя разного рода эротическую атмосферу — как непосредственно вписанную в фабулу, так и завуалированную.

В фильме заняты популярные актеры — например, Анна Цесляк в роли Анели, Марта Жмуда-Тшебятковская в роли Клары, Борис Шиц в роли Альбина, Мацей Штур в роли Густава и Роберт Венцкевич в роли Радоста.

«Пассажиркой» в постановке выдающегося английского режиссера Дэвида Паунтни открылся сезон в Большом театре — Национальной опере. Запрещенная советской властью опера Мечислава Вайнберга об Освенциме почти через полвека дождалась постановки в Варшаве — родном городе композитора. Польская премьера состоялась менее чем через два месяца после мировой премьеры на оперном фестивале в Брегенце. Почетным гостем премьеры в Брегенце была Зофья Посмыш, бывшая узница Освенцима и автор книги, которая стала основой либретто, написанного Александром Медведевым. На основе книги Зофьи Посмыш, описывающей собственный лагерный опыт и сложные отношения с надзирательницей, эсэсовкой Лизой Франц, был создан известный фильм Анджея Мунка с Александрой Шлёнской и Анной Цеплевской в главных ролях.

Знаток творчества Мечислава Вайнберга (1919, Варшава — 1996, Москва) профессор Михал Бристигер вспоминает, что Дмитрий Шостакович считал «Пассажирку» музыкальным шедевром. Бристигер рассказал о композиторе «Газете выборчей»:

— Это был художник очень русский и польский одновременно. Среди его вокальных сочинений — романсы на стихи семи польских поэтов, в том числе Мицкевича, Броневского, Тувима, Стаффа, Лесьмяна, конечно, в русских переводах. Стилистически это неоклассицизм, но в его поздней, интересной фазе. Я думаю, что Шостакович был восхищен Вайнбергом именно из-за его стилистической исключительности, а может быть, и из-за его польского духа.

Некоторое время назад создавалась новая категория культурной принадлежности — музыка на чужбине. Это как раз место для

Вайнберга, который как композитор принадлежит трем культурам: русской, польской и еврейской. И такой композитор может существенно обогатить польскую музыку, дополнить ее картину, в которой усматривают преимущественно французское и немецкое влияние.

Новая премьера Кшиштофа Варликовского. 30 сентября в Новом театре в Варшаве прошел спектакль «Конец» на основе «Процесса» и «Охотника Гракха» Франца Кафки, «Элизабет Кастелло» Кутзее и непоставленного киносценария «Nickel Stuff» Бернара-Мари Кольтеса. Представление с участием знаменитых актеров (в частности, Станиславы Целинской, Магдалены Телецкой, Мацея Штура и Эвы Далковской) идет более четырех часов. Премьеру приняли с умеренным энтузиазмом. «“Конец” Кшиштофа Варликовского — это путешествие по снам, страхам и комплексам режиссера. Медленное, мучительное, удушающее. Здесь нет внятного трактата, как в “(A)polonia”, лишь очень личное, интенсивное копание в собственных внутренностях», — написала Иоанна Деркачева в «Газете выборчей».

А Яцек Цесляк в «Жечпосполитой», в рецензии, названной «Варликовский потерял сюжет», пишет: «Когда Варликовский из многих драматических и прозаических текстов смонтировал “(A)polonia”, единственной проблемой зрителя могло быть соединение в целое всех сюжетов. Сейчас в долгом, на четыре с половиной часа, представлении он поднял тему вины и хотел выяснить, что нас ждет по ту сторону жизни. Однако происходит это на обочинах психоаналитической экспедиции в закоулки собственного подсознания и мира прежних спектаклей, настолько же увлекательной, как и герметичной, автотематической».

Прощания

25 сентября 2010 г. в Орлеане на 95 году жизни умер Казимеж Романович. Он был одной из важнейших фигур польской эмиграции, создателем знаменитого книжного магазина и издательства «Либелла» в Париже. С 1947 г. и до закрытия книжного магазина в 1993 м вместе с женой, писательницей Зофьей Романович, он занимался книготорговой и издательской деятельностью. Супруги Романовичи основали в прилегающем к книжному магазину помещении галерею «Ламбер», где выставлялись художники со всего мира. В книжном магазине и галерее проходили презентации книг Чеслава Милоша, Збигнева Херберта, Александра Вата, Оли Ват, Густава Герлинга-Грудзинского, Яна Новака-Езёранского, Константы Еленского, Кшиштофа Помяна. Там провели

вернисажи Юзеф Чапский, Тадеуш Кантор и Ян Лебенстайн. Романович был отмечен, в частности, крестом *Virtuti Militari* и крестом «За отвагу» (дважды), а также премией Дружбы парижской «Культуры».

12 октября в Варшаве умерла Мирослава Дубравская, выдающаяся актриса театра и кино. Ей было 82 года. В 1951 г. она окончила Варшавскую государственную высшую театральную школу. Долгие годы, с 1974 г., она была связана со столичным Повшехным (Всеобщим) театром — ныне имени Зигмунта Хюбнера, актера и режиссера, многолетнего директора этого театра, мужа актрисы. Дубравская сотрудничала со многими выдающимися режиссерами — в том числе с Анджеем Вайдой, Янушем Варминским, Эрвином Аксером, Конрадом Свинарским, Ежи Яроцким, Адамом Ханушкевичем, Кристианом Люпой.

Она создавала преимущественно образы холодных и недоступных женщин. Редко выступала в комическом репертуаре. Мы вспомним ее в одной из лучших ролей — безжалостной сестры Рэчел в «Полете над гнездом кукушки» (1977) в постановке Хюбнера. В Повшехном театре она сыграла также защитницу здравого смысла и трагическую жертву фанатизма Ребекку Нурс в «Салемских ведьмах» в постановке Изабеллы Цивинской (2007). Дубравская не любила кино, однако сыграла в «Лауреате» Ежи Доморацкого и в «Одиннадцатой заповеди» Януша Кондратюка. Роль Паулины Шиллер в телевизионном сериале «Хвала и слава» по Ярославу Ивашкевичу актриса согласилась играть только из уважения к режиссеру Казимежу Куцу.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

По возвращении с каникул, часть которых я провел в Бахчисарае, бродя по тропинкам, описанным в «Крымских сонетах» Мицкевича, пришлось оказаться — увы! — в самом центре польского политического хаоса. Читаю газеты, смотрю телевидение и пробую понять, что вокруг меня происходит и будет происходить, — надо же как-то ориентироваться в жизни. И вот попадаете сюжет необычайно интересный: «Гражданскую платформу» покидает депутат Януш Паликот. Это фигура весьма динамичная, очень «медийная», будоражающая общественное мнение настолько, что Анна Фотыга, бывший министр иностранных дел в правительстве Ярослава Качинского, в пространным интервью газете «Польша-Таймс» (2010, №214), в котором оплакивает польскую внешнюю политику, якобы подчиненную российскому и немецкому влиянию, и даже не смущаясь называет Польшу русско-немецким кондоминиумом, скорбя о «состоянии польского общества» (это общество, как я понимаю, необходимо поменять и перевоспитать поляков в каких-то других поляков), заявляет: «Я никак не пойму, как кто-то подобный Паликоту может нравиться интеллигентам. Это печально, но это многое говорит о состоянии польской элиты». Однако Паликот, формирующий новое движение (иное дело, получится ли это у него), — единственный политик, который добивается ассигнований на культуру в 1% национального дохода...

Состояние общества и состояние элиты, как полагает госпожа Фотыга, плачевно, чревато бурей и расколом, попросту страх и ужас. Пример такого ужаса — позиция поддерживающего Паликота выдающегося писателя Эустахия Рыльского, которого за роман «Человек в тени» правые в свое время отметили важной литературной премией. Сегодня оказывается, что поторопились. Хотя писатель от премии не отмежевывается, но в обширном интервью, напечатанном в «Большом формате» (2010, №39), приложении к понедельничному изданию «Газеты wyborчей», рассказывает: «Я знаю мир, в котором живу, и у меня было право на то, чтобы при добросовестной писательской работе в моем романе нашлось достаточно много консервативных — если не сказать

реакционных — мотивов, чтобы эту премию получить. Если бы мне сказали, что это премия еще и за взгляды, которых я, по мнению учредителей и жюри, должен придерживаться до конца дней, я бы премию получать не стал».

Интервью это важно по ряду причин, в том числе потому, что поднимает капитальный вопрос взаимозависимости между взглядами и литературой. Рыльский говорит:

«Взгляды? Смотря на что. Я упорный сторонник смертной казни за особо жестокие преступления, и это взгляд, который, наверное, сегодня разделяет большинство правых. С другой стороны, я бы признал за животными столько прав, сколько фактически возможно, а кое в чем сравнял бы с правами человека, что в свою очередь сближает меня с радикальными экологическими кругами. Я считаю, что женщины имеют право принимать решения о своей жизни в любой ее период, в том числе рожать ребенка или нет. Поэтому я за аборты и за *in vitro*, а это уже левые взгляды. Но одновременно я не считаю, что в детских садах надо учить девочек надевать презервативы на бананы, потому что в бытовых вопросах предпочитаю скрытность и сдержанность, а это консервативный взгляд. Мы умираем в оскорбительных муках. Бог этого от нас не требует, могу дать слово чести, поэтому каждому человеку я бы разрешил выбирать между хорошей и плохой смертью (...). А это, по польским, варварским стандартам в данном вопросе, вообще анархистский взгляд. Говоря в общем, в некоторых делах я правее самых правых, а в других — левее Мао Цзэдуна, в каких-то вопросах у меня взгляды умеренные, но немало таких, по которым у меня вообще нет мнения. И я ценю соборную Церковь как вневременной, иерархический и недемократический институт».

Надо подчеркнуть, что подобным образом в Польше давно никто не говорил. Отвечая на вопрос, патриот ли он, Рыльский сказал:

«Если критерий патриотизма — это любовь к государству, в котором мы сегодня живем, то я патриот очень умеренный. У меня не найдется для государства хороших слов. Я считаю его слабым, расшатанным, пассивным и невротическим. Избыточно репрессивным по отношению к личности и ретирующимся перед любой толпой. (...) Если, однако, патриотизм означает привязанность к Польше, к польским пейзажам, обычаям, к языку, к польским традициям, например крестьянским, то я патриот».

В этом контексте очень интересным представляется мнение Рыльского о Ярославе Качинском, на которого он смотрит с писательской позиции:

«Интересная фигура, даже в литературном смысле, теперь, после потери брата и власти. Я с любопытством присматриваюсь к его немому лицу и к его, как мне кажется, освобождению от суетности. Он уже не хлопочет о власти, в том числе над душами, к действию его подталкивает лишь отщепенство — не только «Платформе» (...) но и той части народа, которая его не признала, не оценила, которая его предала. Он смотрит на свои руки, из которых раз и навсегда улизнула от него Польша, и уже, наверное, этому даже не удивляется. Он одиночка (...) а потому опасен. У него уже иссякло терпение для парламентских согласований и бесконечного улаживания дел, для всяких церемоний и реверансов (...). Он жаждет чего-то очевидного, что хоть на минуту вернуло бы смысл его существованию, уже не только в политике, но и в жизни. У меня впечатление, что Качинский в данную минуту — это человек, который пошел бы на любые шаги по отношению к Польше, даже самые жестокие, и лучше этого не развивать».

Такой взгляд на Качинского и такой взгляд на Польшу, отчужденный, критический и по сути своей беспощадный, определяет градус прозы Рыльского, которая и по сей день проникнута игрой политических фигур и страстей. И, говоря о писательстве, автор «Станкевича», прекрасной новеллы о польской судьбе, ссылается на героя своего последнего романа «На Дамбе» — писателя Севериновича (в этой фигуре в определенной мере можно увидеть Ярослава Ивашкевича):

«Есть у Севериновича полный восторг от того, чем он занимается, ощущение бессмертия и избранности, которого не затмить никакому сарказму, никакой самоиронии, но есть и стыд за свою неполноценность. Это объединяющее всех творцов, кроме графоманов, подозрение, что они не занимаются чем-то достойным уважения, которое мы оказываем всем иным людям, делающим хорошую, необходимую работу. Это гнетущее беспокойство, что литература ему изменила или может изменить, ведь она иногда бывает той еще шлюхой».

Это ощущение неуверенности, которое по сути всегда сопутствует творчеству художника, ведет к одиночеству, пусть даже одиночеству в толпе, но художник всегда наособицу: «Я уже много лет не завишу от группы, клики, идеи, работодателей, повседневных необходимостей, друзей и врагов». Такая независимость — положение желательное в

литературе и искусстве, создающее условия для свободы творчества, — для политиков едва ли благотворна. Особенно для тех, чьим лозунгом остается «Кто не с нами, тот против нас».

Поэт и мир: кто же не понимает, насколько это сложная зависимость? Речь не только о политике, но политика, то есть то, как люди поступают с людьми, неустранима: гонишь в дверь, она — в окно. И даже в такие, казалось бы, утонченные рассуждения, которые представил в эссе «Вдохновение и препятствие» в последнем номере «Зешитов литерацких» (2010, №3) Адам Загаевский.

«Вдохновение и препятствие — вот здесь начало поэзии, в столкновении и борьбе между волшебной силой, идущей изнутри, совершенно неподвластной нам, и обстоятельствами жизни, которых нельзя отринуть от себя и которым нельзя противостоять, — на них можно только реагировать; мы можем лишь наполнить эти немые, упрямые события нашей собственной музыкой. (...) Хороший пример одной из многих дилемм, стоящих сегодня перед искусством, — противоречивость, довольно часто проявляющаяся в поэтической практике. Макс Вебер не был единственным современным мыслителем, кто подметил фундаментальные изменения в том, как в поздней фазе современности является людскому разуму действительность. Об этом говорили многие философы и художники, но по каким-то причинам в нашей памяти запечатлелся выдвинутый Вебером термин «расколдовывание» (*die Entzauberung*). По Веберу, убывание магии было необходимым и трагическим следствием рациональных механизмов функционирования современности. С приходом современности связано много достижений в материальной сфере нашего существования (технология, медицина, жизненный комфорт) и в способе функционирования обществ (либеральная демократия), но также, к сожалению, «прозаическая и материальная безличность», насаждаемая «специалистами без души» и «сенсуалистами без сердца». Из нашей жизни улетучилось ощущение таинства, хотя во многих других отношениях она весьма выиграла от перемен. Мы сейчас словно бы живем в лесу, который потерял густую, темно-зеленую листву. Когда-то в нем находили приют птицы и поэзия. (...)

Я не выступаю с позиции философа культуры (которым и не являюсь) (...) я говорю лишь об одном: о стихийной сути поэзии, ее силе, энергии, полете, живости образов, силе выражения. Иными словами, о ее прелести, ее художественной

и человеческой эффективности, — в то время как прогрессирующий процесс расколдовывания, *Entzauberung*, крадет у поэзии многие ее богатства. Я говорю как практик, как человек, занимающийся искусством поэзии; именно в практике — и как читатель, и как автор — я сталкиваюсь с чем-то, что я хотел бы назвать двумя противоположными потоками (по аналогии с потоками воздуха): первый, восходящий, возносит меня вверх, позволяет увидеть более широкие горизонты и наполняет чувством радости, а второй, нисходящий, тянет меня вниз, снижает настроение. Первому сопутствует какая-то добавка, — как минимум, растущее чувство «чего-то магического», чудесного, «метафорического», чему можно противопоставить все радикально скептическое, саркастическое, вещное. Поэзия должна, однако, сражаться на два (а может, не только на два) фронта. Постоянно сокращающаяся область таинства — это только один из них. Второй связан с совершенно другим явлением — с неизвестной ранее интенсивностью потрясения, которую внес в историю XX век — столетие, раз и навсегда отмеченное Освенцимом и Колымой, если говорить кратко. Эти страшные названия мы до сих пор не можем уместить в музейные витрины, они все еще преследуют не только нашу память, но и воображение».

Далее в своем пространном эссе Загаевский анализирует стихи Аполлинера, Ружевича и Милоша, чтобы на примере последнего вынести обобщающее утверждение:

«Чеслав Милош, пожалуй, единственный среди современных поэтов, кто так ясно видел две опасности, грозящие современной поэзии: во-первых, постепенную утрату богатой материи, из которой поэзия вырастает (той самой субстанции, которая сжимается под натиском современности), а во-вторых, угрозу неотвратимой, быть может, потери достоверности, что уже случилось бы с поэзией, если бы она пренебрегла великими бедствиями XX века, если бы не сумела охватить воображением Катастрофу и ГУЛАГ. Эти две опасности противоречат друг другу, или так, по крайней мере, кажется: если хочешь сохранить искру Божию (или — для тех, кто предпочитает менее богословский словарь — искру магии, волшебства, проще говоря, поэтичность), не следует вторгаться в самые страшные области недавнего человеческого опыта, серые и мрачные, покрытые пеплом гигантских преступлений. Здесь, в этих местах, которых нельзя ни описать, ни понять, даже молоко черное, как у Пауля Целана в «Фуге смерти». Положение даже еще сложнее: мы должны помнить, что незадолго до того, как Аполлинер жаловался на свою судьбу,

произошла революция стиля. Поль Клодель так писал в своем дневнике: «Никогда по-французски не писали так скверно, как во времена Луи-Филиппа (Бальзак — это исключение). Самые выразительные тому примеры — Ламартин и Ренан. Почему так случилось? Не только потому, что тогда главенствовала посредственность, но и потому, что это был период перехода от абстрактного стиля, который занимался исключительно идеями, к конкретному, который стремился представить разнообразные объекты»».

Борьба конкретики с символом? И да, и нет. Загаевский ищет решение:

«Может быть, я совершенно неправ, полагая, что главный вызов для современной поэзии (попытка возратить, хотя бы частично, огонь воображения, с одной стороны, а с другой — обращение к худшим формам современной жестокости) действительно связан с непостижимой современностью. Может быть, эти два вызова и не столь уж сильно противоречат друг другу; быть может, обращение к ужасам прошлых и нынешних гекатомб не имеет ничего общего с поэтическим воспарением, а существует в другом религиозном аспекте — аспекте десяти заповедей, твердого, основательного фундамента нашей культуры, из которого, словно из скалы, покрытой слоем живой почвы, выросли все цветы. Однако же здесь меня одолевает другое сомнение: возможно, я совершенно ошибаюсь, а истинная опасность и подлинный вызов для поэтов, творящих сегодня, — это что-то иное, а именно духовная анемия, риск остаться не растревоженным, безразличным, чуть глухим; если так, то моя схема опасностей, грозящих поэзии, устарела, принадлежит уже прошлому, музею литературы; возможно, ее постепенно вытеснила типичная для поп-культуры апатия. Крупица иронии и тень грусти — это всё, что нам осталось; трудно не почувствовать, что мы многое приобрели (своего рода эстетическую свободу, своего рода эластичность), но и что-то существенное утратили. Только вот, увы, не можем вспомнить что. Красоту? Страсть? Душу?»

Не знаю, какая отметка была у Адама Загаевского по физике, но он должен знать, что действие равно противодействию, что, когда что-то теряется, одновременно что-то приобретается и наоборот. Прошое в литературе живо — во всяком случае до тех пор, пока мы читаем ее произведения, а покуда некоторые из нас читают еще Гомера и Горация, не так всё плохо. Другое, однако, кажется более важным: вот эта неуверенность, сопутствующая нашим художественным усилиям, и опасение,

что та самая шлюха-литература, о которой говорил в своем интервью Рыльский, нам изменит. Что ж, это уже иной риск, чем «риск остаться не растревоженным», — риск самостоятельного, за собственный счет проводимого познания действительности, в которой нам приходится жить. Особенно тогда, когда это политическая действительность. Это риск одиночества.